

1996 год

ЛАНЬ

Проснулся лев голодный и свирепый.
Охотясь средь желтеющей травы,
Он крался, легкий, незаметный,
Высматривая жертву для жратвы.
Его глаза столь зоркие капканы
Узрели ланей шумный бег,
Несущихся просторами саванны,
И вздыбился на шее зверя мех.
Жух! Запах крови ощутили ноздри
Живой и трепетной еды...
Лев выбрал ту, что ближе, возле,
Смыкала крайние ряды.
Одна из ланей услыхала льва
Широкий мах и рык из горла,
Среди своих она была сильна,
В ней зрелой статности довольно,
Чтоб состязаться в беге с ним
И жертвою его не биться,
Хоть лев почти не победим,
Когда от голода ярится.
А рядом дышит летошняя дочь,
В табуне гон не знает передышки,
Не смогут унести от пасти прочь
Её некрепкие и тонкие лодыжки!
Как вкопанная встала к удивленью Лань
А дочь неслась со стадом дальше вдаль...
Удачу легкую нет чести добывать,
И гордый Лев не торопился убивать.
Лань обернулась к хищнику-царю:
«Дозволь последний сделать круг
по той Земле, которую люблю»!
В ней не сквозил униженно испуг
В её повадке, случай явно редок,
И с щедростью ответил Лев: «Дарю,
Тебе твоё желанье напоследок»!
Дугою грудь, поднята голова,
Отточенных копыт поднялась пара,
Неспешно побежала мимо льва,
Открытая для страшного удара.
Вперёд далёко стадо унесло
Неповторимое её созданье!
Есть чуткое в природе ремесло
Быть матерью, как высшее призванье.
Рванулось сердце устремлённо,
Земля толкнула без рывков,
И Лань взметнулась окрылённо,
Подставив шею для клыков.
Тут солнце, видя жертвы дань,
Закрыв в потоке света Лань,
Лучом пронзило зренье льву,
Готового к последнему прыжку!

ЛАНГУСТЫ лето 96 г.

Циклично, ежегодно гранд-стихия
Арктический щедедушный ветерок
Рождает ураганы севера лихие
И в тучах варит леденящий грог.
Безжалостным и чёрным великаном
Разделит небо с океаном,
И диким холодом дыша, воюет,
Унося покой, осатанело дует.
На бой вздымался океан,
И вот уже девятый вал
Волнами мрака достигал,
Оттуда падая, стонал...
Стонал по яркой синеве,
По беспредельности во мгле,
Где звёзды, следуя Закону,
Бесстрастно светят по Платону,
Не ведая начала, в бесконечность
В единстве постигая вечность!
Внизу на дне, на глубине,
Стихия жертвенность, зачем усугубляет?
Рёв страшный, слышимый из вне
С подводного пространства зазывает
Рачков лангустов – голубую кровь
В поход далекий вновь и вновь...
Доспехами блистая, словно сталь,
Колонной в никуда из ниоткуда,
Усами зацепив друг друга,
Идут в неведомую даль...
Не всем узнать конец пути,
Расставлены для ловли сети,
И в бойне, уготованной людьми
Они своих спешат спасти.
И кто не захлебнулся стоном,
Влекомые одним Законом,
Не ведая начала, в бесконечность
В единстве постигают вечность!
Не всем золотой достался век,
Серебряный был укорочен,
Но жив поныне человек,
Хотя бывает плохо очень.
Здесь на земле Весенним днём,
Чуть только снег кой-где подтает,
И пух на вербе набухает,
Ко храму мы тропой идём,
Душа к душе, свеча к свече
Путь Млечный будто оживает
В людском родившемся ручье.
Укрытые небесным лоном,
Ведомые одним Законом,
Не ведая начала в бесконечность,
В единстве постигаем вечность!

ЛАСТОЧКА лето 96г. (Друскининкай, балкон в гостинице)

Ах, ласточка, душа моя!
Живя, волнуясь и творя,
Ты падая, с высоких ниш
Смиренно у земли паришь.
Или стремишься к небесам
Все силы, передав крылам,
Сверкая белизной груди
Крестишь воздушные пути!
Верхи деревьев зашумели,
Раскланялись по сторонам,
Лениво покачнулись ели,
Покой нарушен деревьям,
И прежде осиянны берега
Накрыла властно тучи тьма,
Стрелой огненной с небес
Соединился с тучей лес,
И молния слепит глаза,
С раскатом движется гроза!
Ах, ласточка, душа моя,
Раскрыв просторам два крыла
Пронзительно несёшься ввысь,
Не ведая сама спастись!
Смотрю на ласточку, грозу,
С балкона я не уйду...
Вдруг солнечный легко поток
Усиьем тучи пренебрёг,
Победно свет несёт Земле!
Не быть бунтующей грозе!
Что это ласточкин полёт?
Или бесстрашие моё?

Земля –96г.

Раскинув руки в ширину,
Измяла я траву,
Спиной к земле припала,
Себя я ей отдала.
И запахом пьянит трава,
Ромашками обвита голова,
Из них браслеты на руках,
Укрыта грудь в цветах.
Земля моя, ты боль моя,
Щедротами напоена,
И каждой клеточкой живой
Я силы черпаю с тобой!
Объяття крепкие твои,
Мне не дают уйти!
Не напрягаю руки я,
Чтоб не вредить тебе, Земля!
Пора, пора уже вставать,
Как не легка твоя кровать!
Ты ж не желаешь отпустить,

Неужто можно так любить?..
Крылатые уходят в облака,
Уже не вижу, только голоса
Все тише, тише долетают...
Лететь за ними не могу,
 объятыя не пускают.
Какое Небо в вышине!
Я вижу это не во сне.
Земля, пусти! Но тщетно,
Ромашки держат крепко!
А, вдруг, с обратной стороны
Из звездной вечности страны,
Тоскуют также исступленно,
И смотрят также напряженно?
И видят ту же синеву,
Молочную сквозную пелену,
И в блеске золотых зарниц
Ложатся пред красою ниц,
И чувствуют дыхание Земли
Самозабвенной и живой любви!

ЛЮБОВЬ 15.07.96г.
(Круг жизни)

Любовь с азов, с рождения даётся,
С молочным соком маминой груди!
И с нежным голосом её, что льётся
На жизненном непесенном пути.
Нам мама отдала безропотно и тихо
Своё уменье, красоту, досуг,
Всё детям, детям, отстраняя лихо,
Не для себя, светила всем вокруг!

Любовь отцовская в уютности колен,
В которых засыпалось колыбельно,
И первые слова и первый книжный плен
Давался им настойчиво и дельно.
И первую зарю и с солнцем встречу,
Как колесо въезжавшее в простор,
Озвучивал красивой русской речью,
Избранницей желанной до сих пор.

Любовь, что яркою и первою звездю
Ещё таинственно, неясно, невзначай
Низложит гордость, робость, и собою
Незванная, заполнит через край.
И жажду слов изысканных, не властных
Заменят умные и синие глаза,
И губ слияние мужских и страстных
Заставят замолчать готовое: «Нельзя!»
И умирать, и жить, и воскресать научат,
И бездну грешную пройду, не оступлюсь,
Любовь, которую и Боги не разлучат,
И в куще райской от неё не отрекусь!

Любовь к младенцу, к первенцу и сыну,
Занявшая пространство, больше! Два!
На прерванную в родах пуповину,
Из сердца ключ пробил родника.
В ответ улыбка радостью сияла
смотрели удивлённо синие глаза,
Как в зёрнышке, ещё была вначале
Жизнь новая, а с ней моя полна.

Любовь к дочурке долгая безмерна,
Мешалась с диким страхом потерять,
И баловала лишнее, наверно,
Спасала я, и ей пришлось спасать.
Как в зеркало себя я отражаю,
Всё лучшее для дочки отберу,
Дорогу лёгкую ей выстилаю к раю,
А что худое для себя приберегу.
Ожив, напев грядущее сулит,
В нас материнский бьёт родник.

Любовь к иконе с женской красотой
Небесное с земным соединенье,
От сердца к ней душой живой,
И веянье в ответ ловлю движенье.
Мне, меньше всех достойную любви
Такой высокой, праведной и чистой,
И все таки неправую хранит
Своей улыбкой скорбной и лучистой.

К тебе, Иисус, колени пригибаю,
Смиренности ищу, и в ней я погибаю,
Любовью новой странной расцветаю,
и золото волос я в небе наблюдаю.
Любовь и жизнь, в которой края нет,
И берег земный не удержит,
Тысячелетья твой бессмертный свет
Дарует людям стойкий кедр стержень.

А в третьем круге подрастают дети
И, будто в юность, оглянись назад,
Как хорошо, что есть на этом свете
В них те же умные и синие глаза.
Смешинки их – бубенчики и звёзды,
Любовь желает их прикрыть крылом,
Чтоб не задели их смертельно грозы,
А счастье неизменно было над челом!

КАНТУ

У Вашего надгробия стою,
Душою с духом говорю,
Созвучие неясных струн коснулось,
Дыхание уснувшее проснулось.
«Кто Вы?» – «Я женщина». В ответ
Неудовольствия мне передан привет.

«Да, женщина, и русская к тому же».
Не подхожу гордыне сего мужа.
Однако, Кант, я слышу Вас,
Знать есть единство между нас».
Читая книгу «Об уме»,
Согласие нашла везде.
Но главная жемчужина гласит:
«В небесной чистоте душа парит,
Какие б жизнь не ставила условия
Лик человечности держи достойно.
Без корысти общение с людьми,
Поможет сердцу расцвести».
7.08.96г.

ПТИЦА ФЕНИКС 13.09.96г.

Пришлось узнать мне жажды пик,
Когда иссох души родник,
Когда от засухи внутри
По телу трещины пошли,
Когда увидела, как Бог
Моим безбожьем изнемог,
И след его под белым ног
Прах отряхнул о мой порог!
Переступила я черту,
В которой древнюю мольбу
С поднятыми наверх руками,
Исторгла горькими устами:
« Прости, во всем вина моя,
Раз засухи достойна я!
Таких мучений никому
Я не желаю и врагу.
Но я готова всё снести,
Чтобы детей своих спасти!
Готова углем чёрным стать,
Чтоб детям горя не видать!
Мне цель благая не ясна,
Коль падает у них слеза,
Коль раздаётся детский крик
От боли, бед и от обид!
Закрой их боже от беды!
И сохрани и защити!
И, если бед не избежать на свете
Пошли их мне, не детям!
Не уходи, не оставляй,
Ведь без тебя потерян рай!»
На эту выжженную сушь
Божественный нисходит луч
И, как пустыня воду пью,
Но жажду всё не утолю...
И снова, странные дела,
Воспрянула душа моя,
Как птица Феникс из огня
Из пепла поднялась она!
РОЖДЕНИЕ ГОРЫ 5.10.96г.

«Увы, он счастья не ищет,
И не от счастья бежит»....

Мелеют воды штормовые,
И вспять от суши чередой
Отходят пенно-голубые,
Под отчей сущюю метой.
Земля блаженно оживая,
Летит не ведая оков,
Звездой в Галактике сверкая,
В пурпурном злате облаков.
Она, причастная к планетам,
Вселенной солнечной кумир,
Обязана оправою кометам,
В себе рождала Радо мир...
Смелеет тяга родовая
К селеньям звёздным Урании,
Но сила дикая шальная
Противоречий между ними
Весы согласия погубила:
Все шире раздались пески,
Морская поднялась пучина,
И тают вечны ледники.
Земля, спасаясь от беды,
В надлом породы и коры,
Воздвигла из своей среды
Могучий камень для горы,
Тяжелую прижала глыбу,
Краями поднялась на дыбу,
И дерзкие равнины кочки,
Её вершинной стали точкой.
Холодный, горный, твёрдый камень,
Не прогревает земный пламень,
Чем выше, дальше от ядра,
Тем ближе холода страна...
Страна, в которой бездна Света,
Чиста, блистательна, одета
В алмазы снежная корона,
Не властная законам Крона!
Ум очарованьем зачарован,
Земной к Небесному прикован,
Вершиной только здесь Земля
Всевышнему посвящена,
Здесь не нужны из слов слова,
Здесь сущность говорит сама!
И от неё Отец Вселенной
Читает повесть жизни брэнной!
Влиятельные звёздные миры
Ионами глазам Земли,
доносят негасимый свет,
Покой небес и не спокойствия Завет.

Как девочка в платке пуховом,
Босая, по хребтам ледовым

Прошла вершину той горы?
Опасны веданья мира...

Дорога в Светлогорск и обратно с Витей 11.11.96г.

В ноябрьский день революционный,
Борьбой в прошедшем опалённый,
И братской кровью осквернённый,
На праздник, нынче упразднённый

Мы едем к морю.....

По небу грозно мчатся тучи,
Со всех сторон навстречу нам,
Драконом в сто голов летучих
Несут на город ураган.

Мы едем к морю....

Не поддаёмся мы тревоге.
Среди нависшей черноты
Ловлю, внимая, по дороге
Лазури светлые пласты.

Мы едем к морю....

Перед угрозой непогоды
Ищу я светлые лучи,
Трепещут квантовые всходы,
Пронзая брешь у грозной тучи.

Мы едем к морю...

На части небо разделилось
Чертою на предмет барьера
Направо синевой светилось,
Налево флагом Флибустьера.

Мы едем к морю...

Чем нас сегодня встретит море?
Волной капризной штормовой?
Недружелюбия свинцом?
Порывом северным в лицо?

Мы у моря.....

О, море! Все в тебе нашла!
Волны свинцовая гряда,
С угрюмым рокотом бежит,
И белой пеною рябит,
Но ветер дует к горизонту –
Подъемля брызгами юбочку,
Спешащей к берегу волны,
Как у Монро среди толпы.
Но зрелище не полно это
Без лучика дневного света,
Который с пеною слился
Алмазом брачного кольца.
И у кромки моря чайки
Сбились белоснежной стайкой,
Лапки красные со дна,
Лижет холодом вода.
Небо бирюзою сочной,
Точно девой беспорочной
Льёт над волнами бальзам,
Синь всю морю передав!

В любви я морю признаюсь,
И от своей любви я таю,
Сама лучом я становлюсь,
Вот только жалко не сверкаю.
Прощаюсь, едем в город снова,
Машина тоже в путь готова.
Мне тяжело с морем расставанье,
Вдруг, слышу рокот: «До свиданье!»

Мы едем в город...

Справа, вдоль дороги солнце
Блеснуло зайчиком в оконце!
К нему глазами направляюсь,
В который раз уж поражаюсь:
Полнеба,
нет от горизонта небо всё
Светило золотом в окно.
Накрыт лимонным полотном
На колеснице Фэтон,
В одеждах солнца появился –
И горизонт зазолотился!
Ах, осень! Ах, пора смиренья!
Как чаровать умеешь без волнения!
Уверенно без жара лета,
Ты мрачность побеждаешь светом!

ДОЖДЬ 11.12.96г.

Шуршанье летнего дождя
На чердаке внимала я
И чистым детским голоском
Я пела дождику тайком.
Он рядом с мокрым голубком
Порхал легко над городком.
Дождь спутником по жизни стал,
Собой меня околдовал.
Увижу ль травушку в росе
Или слезинки на стекле,
Иль блики солнца на реке,
Плыву я с ними по воде.
Со мной события встречал
И восточку заране слал,
И, если дождь в окно стучал,
То знать удачу предвещал.
Прекрасный город на Неве
Дождем устроил встречу мне
Веселым ливнем поливал,
И так с учёбою связал.
На свадьбу в марте не снежком
Счастливым брызнуло дождём,
Хотя среди ясного и бела дня
Решалась вся судьба моя.
В роддом за сыном провожал,
Со мною первенца рожал,
В больнице по окну стекал,

По лужам с радостью скакал.
Вода в сосуде, в озерке
И с лилиями на реке,
Прозрачной струйкой в роднике –
Всё тот же дождь на чердаке.
Прошли волшебные года,
Где ворожила мне вода,
Теперь же дождичек порой
Умею быть сама тобой.

ПОЗДНЕЕ ЦВЕТЕНИЕ

Осень, осень, просинь –
Сказка на земле,
Лучшие мотивы
Пелись о тебе.
И каких Великих
И каких сирот
Не видала, Осень,
У своих ты ног.
Под лазурью неба
В темноту воды
Разбросала осень
Дивные листы.
Полыхают липы,
Полыхает клён,
Полыхает небо
Радужным огнём.
В эту пору красок,
Осень, что сплела,
Яблонька по глупости
Белым зацвела.
Где? Какие токи,
И какой порок,
Поднял жизни соки,
Перепутав срок.
Лопались те почки,
Двигались ростки,
На осенней яблоньке
Зацвели цветы.
Чудным чудом чудится
Нежная краса,
Среди рыжей осени
Смотрит в небеса.
Голубая с розовым –
Вязь в едином цвете,
Будто бы и не было
Дней ушедших лета.
Осень, осень, времечко
Время подожди!
Сумасбродку яблоньку,
Осень не суди!
Небо тёмным хмурится,
Север налетел,
Цвет на белой яблоньке

Враз обледенел.
Заковали льдиною
Яблоневый цвет,
Помертвевшим кажется
Через льдину свет.
С ветром вьюги снежные
Липнут на стекло,
Видеть зиму лютую
Цвету суждено.
По весне при солнышке
Все сады цветут,
От корней у яблоньки
Поросли растут.
Заслоняет ветками
И шуршит листвою:
«Расцветайте, детки вы,
Только лишь весной!»
Голубым и розовым
Поросль зацветает,
На вершине яблоньке
Пташка распевает.

ДОН-КИХОТ

Ночь. Все спят. Усталость одолела
Хлопоты людские и дела.
А во мне разрушились пределы
Эту ночь я проведу без сна.
Тишина. Согласна я с поэтом
Только в тишине творит Господь,
Потому с бессонницею этой
Проведу отрадную я ночь.
На стене висит ковёр узорный
Светит с неба яркая луна,
Устремленью своему покорна,
Музыкой стиха душа полна.
Вдруг ковёр стеной зазолотился,
Светом отливаётся узор,
И рисунок в нём определился,
Восхищая удивленный взор.
Вот глаза на узком лице длинном,
Нос горбатый, как сама гора,
И усы по сторонам старинно,
Разбросала лунная игра.
Эполеты засверкали славой,
Руки длинные раскинулись в цветы,
Это ведь испанец – рыцарь бравый,
Дон Кихот! Мечтатель, как и ты!
А над шлемом засияла Донна,
Колокольный слышится мне звон,
То меня прекрасная Мадонна
Лунным светом балует с окон.
ноябрь 96 г.

РОДНЯ 24.12.96г.

Дома я собою напугала
Тех, кто рядом столько лет,
Слушала себя я от начала
И других, которых в мире нет.
Необычность приняла без драмы:
Шёпот с придыханьем нежный мамы,
Озорной и умный слог отца,
Не лишённый острого словца.
Высший пик достигла неразумность,
Сердце же не слышало границ,
Память к именам вернулась в юность,
Выстроился ряд любимых лиц.
Папа! Я бельё так тщательно стирала
Тёрла пальцами до дыр,
Если б знала, делала сначала
Когда ты меня, родной, просил!
Мамочка, прости ты за чулочек,
Болью нервный вскрик стоит,
Глупая одна из твоих дочек,
Совестью измученной дрожит.
Не исправить брошенное слово,
Не вернуть утраченную быль,
В доброте у русичей основа,
Остальное с ветром пыль.
Магия любви сильнее сильных
Слов, поступков, жестов, голосов,
Оттого я родинкою слышу
Размышленья древних мудрецов.
От любви остановилось солнце,
В декабре у розы цвёл бутон,
В небе через тонкое оконце
Виден след рисованный лучом.
Неужели только мне заметными
Кажутся знамения кругом?
Знаю, звёзды журавлями светлыми
Потянулись на Россию, в дом.

**Мастеру Кузнецову
Об иконе Владимирской божьей матери**

– Вас, Мастер, я благодарю
За ту, что искренне люблю!
Сестры подарок бескорыстный,
Столь неожиданный и быстрый
Мне жажду духа утолил,
Пред вечной красотой склонил
Мои колена, сердце, взгляд
Мои шептанья невпопад,
Душа моя к ней устремилась,
Глазами с ней соединилась,
И от молитвы моей страстной
Цветок раскрылся яркой краской!
Ей поверяю свою душу,

Пред нею лгать я не могу,
И отсветом над нею слышу
И вижу слово: «Помогу!»
Декабрь 96 год.

1997 год

Гуси-лебеди 3. 01. 97г.
Друскининкай (на книгу Н. Гумилева)

Голубые окна. Голубая спальня.
День приблизился к концу.
Спит мужчина сном Адама,
Ева книгу поднесла к лицу.
Сон витает кисеёю белой,
Белым снегом жмурится в окно,
Мягко виснет над бессонной Евой
Дымкою баюкая её.
С озером смиренно белые берёзы
Утонули в первой белизне,
Ева тихо сдерживает слёзы,
Глядя в книгу о своей судьбе.
В этом доме оказались вместе,
Люди – белые облака,
Белоснежной и последней песней
Головы покрыла седина.
Город за ночь в белом покрывале,
Как в подснежниках в лесу,
С первым снегом в Друскининкае
Пробудились люди поутру.
Будто бы над белой солью,
Над улыбчивыми стариками,
Хризантемы с облаков привольно
Белыми спускались лепестками.
Муж прищурился спросонок,
Произнёс: «Вставать нам надо!»
Ева без причины повторяла:
«Как тебе, тебе я рада!»

БЕЛАЯ ПЕСНЯ. 4.01.97г. (храм в Багратионовске «Веры, Надежды и Любви»)

Зима укрылась белым одеяньем.
Дорога белая застыла белизной.
Поля, чаруя, стылым зазеркальем,
Туманом белым, слившимся с Землёй.
По сторонам деревья белый иней
Оплёл узорами и чистой бахромой,
И небо белое закрыло купол синий,
Чтоб солнце в круге белом жило белизной.
С холма для Господа от золота светится
Храм белый несказанно русскою красой,
Как белая на взлёте чудо-птица
С надеждой, верою, любовью и тоской!

7.01.97г. Белая фантазия под Рождество.

Белоснежная сказка зима.
Белым платом накрыта земля.
Белым свили узор дерева.
Тишина на земле. Тишина.
Зачарована белым душа,
От мороза туманом дыша,
Индевеют в орган тополя.
Тишина на земле. Тишина.
Среди белой фантазии дня,
От закатного солнца луча,
Розовеют у елей снега.
Тишина на земле. Тишина.

СТАРИК 28.01.97г. (Друскининкай)

Старик, не знаю почему,
Согбенную твою спину
В толпе идущих повстречала,
«Отец» – невольню я назвала.
Твое лицо – скала и воля,
Твой подбородок вниз широк,
Нелегкая, зная, вышла доля,
Коль спину в гору выгнул рок.
Молила у спины прощенье,
Забыв приличье от волнения,
Отцовский горб узнала я,
В котором есть вина моя.
Не обошло: за прошлым вспять
Бежать, искать и не догнать...
А в жизни снова бессердечно
Горбом сгибать родные плечи...

ЧАЙКА ПОД РОЖДЕСТВО 20.02.97г.

Ах, чайка, вольно и свободно
Паришь в воздушном ты потоке,
И видно небу так угодно,
Дать знать, что мы не одиноки,
Когда летишь вдаль берегов
Зимой под солнышком чиста
Поверх старинных куполов,
И у подножия креста!
Завлек ли колокольный зов?
Иль покаянье Магдалины?
Иль Божьей Матери покров
Над смутным временем России?

РОДНИК 21.02.97г.
(О ЛИВНАХ)

На склоне берега крутого,
Чуть дальше от дороги пешей,
Ведущей на вершину в Храм,
С пути гористого витого
Из глубины и тьмы кромешной
Забил родник холодный сам.
Глубинных странствий торжество,
Бездонность тайную хранилищ,
Сокрытый вечности закон,
Принёс целебным веществом,
Со свойствами природными чистилиц,
На белый каменный уклон.
Он влагу источал бессменно,
С ним время было заодно,
В той чаше полной и чуть пенной
Нагорный известняк стелил
собой края, по кругу дно –
В одежды белые рядил...
Здесь солнце, разгораясь днём,
Пронзало длинными лучами
Круги и рябь прозрачной влаги
Высь храма отражалась в нём,
Крест-накрест, золотясь свечами,
Не одолев, взаимной тяги.
Ночами звёздный неба свод
Диск лунный находил на склоне,
И двойственность ночных светил
Сиявших над, светивших под
Не умалил в эфирном фоне
Значенье мимолетных крыл.
Ребёнок, путник иль паломник
К питью губами приникал,
А ночью тёмной пил колодник.
Родник себя всем раздавал,
Кто в зное жаждал иль алкал!

РАЗМЫШЛЕНИЕ март 97г.

1 часть

Бессильным одиночеством,
А может быть пророчеством,
Заброшена в пустыню,
И в зное душном стыну...
Песок в песках – его не счесть,
То наказание или честь?
Просторен лоск пустыни,
Экзамен для гордыни,
И давит тишина на слух,
За кругом отделяя круг.
Бесплодно, сухо, как всегда,
Здесь песней не журчит вода,

У времени тут нет начала,
У времени тут нет конца,
Безжизненно и величаво,
Завидно низко небеса.
Созвездия плывут неспешно,
Как не спешит сама земля,
С руки течёт песок отвесно
И в этом месте мысль и я.
Вот дума: Быть или не быть?
Мне ль искупить
Позор неверных устремлений,
Не мной свершённых преступлений?
Ответственность не низложить,
Вопросом давним: жить, не жить?
Не чувствовать, прервать, не думать...
И время обокрасть, как тать.
Мне больше нечего желать?
На памяти, оставив ужас,
Иль с ужасом на всё взирать?
Ещё одна, ещё попытка
Второе с первым не принять,
И в том, что жизнь сменилась пыткой,
Могу себя лишь обвинять.
Песок бежит по пальцам мимо,
Что жизнь – театр иль пантомима?
Глубиннее, серьёзнее, сложней.
Арена для борьбы мужей?
За флаг, за власть и за любовь,
За первенство и королевство,
И мы твердим им – ты король,
Любя в себе его наследство.
Спешим смириться, подчиниться,
И подчиняем красотой,
Чтоб человек мог родиться,
Вобрав мир женский и мужской.
Идут герои полководцы,
Во славе храбрецы морей,
Тот перламутром пишет солнце,
Пастух исторгнет с уст хорей,
Упорный дерева сажает,
Не скоро плодным будет сад,
Скрипач музыкой услаждает
И льётся гимн в часы услад.
Из камня вырубает Бога,
И мрамор Пьеты нам несёт:
У жизни бед и скорби много,
Но красота опять спасёт!
А мы их любим даром свыше,
Как птицы бьёмся об стекло,
Кто для детей живёт и дышит,
А скольких Слово увело!
Я их люблю, вмещая в разум,
Но с выбором одним пришла,
Так отчего тоска проказой
Меня изводит, мол, грешна?

А звёзды сыпятся отвесно,
Как час песочный из руки,
С руки небес, мне неизвестной,
Я взор не в силах отвести.
Лицо звездам своё подставлю,
Их поцелуюм ледяным,
То сон попутала я с явью,
Когда б не встречный бедуин.

2 часть

Ложь явная бессмысленность,
От правды не уйдешь...
Близ вечности зависимость,
Где льется звёздный дождь,
Где солнце жжёт неистово,
Условно био жизнь,
Где от венца тернистого
Есть воскресенье ввысь!
Пески в себя запрятали
Цивилизаций стон,
Царицу б не просватали,
То цел был Вавилон.
Исчезли, в вечность канули
Пик царств и города,
Одни спят под барханами,
Других смела вода.
Не всем, но птицу Феникса
На пепелищах встарь
Когда пожар рассеется
Держал на длани царь.
Нашла тебя я вещую
Для Родины моей,
В забвении воскресшую
На алтаре церквей.
А звёзды сыпят золотом
Первоначальный слог,
И убеждает небо в том,
Что Слово это Бог!
Молчать, да я речистая...
Глас звукам: «Удержись!»
А сердце бескорыстное
Подскажет: «Помолись!»
Великий, Правый, Высший Боже!
Как справится с любовью мне
К твоим просторам и к земле?!
Ну, как отречься, как смириться,
С какою мукой повиниться?
Что люди, стало быть, и я
Носители вражды и зла!
Вот здесь пустыня и песок,
Неужто так всемогущ рок?
Готовит нас к тому сознанию
Что нет надежд и оправданья.
Как оградить, чтоб бедуины

Не плакали по всей земле?
Печальней не было б картины,
Во всей Вселенной, выше, где
Есть царствие, и Бог, и Сын
И истины и жизни Властелин
Той, что грядет из век в века:
«А все же вертится она!»

Куршская коса

Окружена дыханьем влажных сосен,
Иду ко дну в ковровых мхах...
Синеет навзничь в иглах проседь,
И пахнет кожей овраг.
Здесь чудь не паханной земли
Залив и дали, дюн пески,
Зачем-то манит сосен вышина....
Как в книге древней имена.
8.03.97г.

Печаль

Путь ко храму Господню знаком,
Вверх по лестнице слышится хор,
В центре храма икона «Печаль»
О божественной муке скрижаль.
В чёрном платье проходит монах,
В чёрном атласе иконостас,
Все одежды на ликах черны,
Над Мадонной круг чёрный беды,
А внизу смерть чужая в гробу,
Песнь последняя кадит рабу,
Чёрны кружева – мёртвому дань,
От потери в глазницах печаль...
Двери храма закрыла сама,
А на улице светлой весна!
Дерева почерневшие в ряд
Чёрный тоже надели наряд.
Ветви чёткая вязь на вису
Чёрным драму о Боге несут.
В прошлом муки, ушедшая даль,
А Земля поминает «Печаль»,
В траур рядит земные места
Первых дней по Иисусу поста.
23.03.97г.

КОМЕТА

20 век заканчивает бег,
Не ведома ему покорность,
В грядущем та же неумность,
Всё тот же бешенный разбег!
Предупреждением для всех
Вселенная комету посылает,
Как соком, брызнувший орех,

Хвостом со звёздами сияет!
В природе стойко ожиданье,
Зима весеннее свиданье
С ростками жизни стережёт
И почки липким снегом жжёт.
Вершится трудная работа,
К терпению зовут страстные дни,
И высшая по таинству суббота,
Предтеча воскрешаемой Звезды.
14.04.97г.

Лабиринт 1997 г.

Прошли года,
Век женский на исходе,
Добытая у них руда,
Пустою показалась, вроде.
Муж, дети, дом, любовь,
Не лишена, дано.
Молчи, не прекословь!
И не перечь, равно
сук под собою рубишь!
Что надобно еще?
Любовью разве губишь?
Но рок уже скрещен...
И близок, не заметен,
Чуть слышен, чуть знаком,
То тенью замаячит в свете,
То ловит на слове тайком.
Предчувствием томим,
Изнеженный, не закаленный,
Мой дух спустился в лабиринт,
Распадом горьким уязвленный,
И за собою не позвал
В тот путь живых или умерших,
Не умалял, не призывал
Ни падших вниз и не воскресших.
Рискованно пошел и жутко,
Нить Ариадны, где она?
Не корыстью сиюминутной
Была душа поглощена.
Российский берег
Атлантидой почти до дна
Пропал, и сто Америк
Отчизне нашей не чета,
Но мы вдруг разом одичали
Не надо войн,
Нас вряд ли предки бы узнали,
Хоть волком вой!
Открыла лабиринта двери
Там тёмный грот,
И вместо вдохновенных пери
Гадючий рот,
Повисли гроздьями, жгутами
И вход закрыт,

Глубь отражает зеркалами
Ужасный вид.
Стою, не смея шевелиться,
Мой долг – стоять,
Сама же не умею биться,
Пращу бросать.
xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx
Стою. – «Неужто правда, Боже?
Нет, не смогу
Поверить, что земля есть ложе
Такому злу!
Творец Живаго и Создатель!
Твоя над сущим ипостась
Не дай, чтоб победил предатель,
Над Родиной моей глумясь».
– Со мною ангел встал хранитель
Мечом грозя,
– «Но удержи его Спаситель,
ведь так нельзя!
Позволишь, если, то со мною
Тот гиблый грот,
Мудрейший ангел и с душою
Любви, пройдет,
Твоим, заставит точным Словом,
Лишь мира для,
Зло согнуть, и под небом оным,
вздохнёт Земля».
Взглянула в лабиринт тоннеля,
Свободен вход,
И ангел, всех снегов белее
Шагнул вперёд!

ЖАВОРОНОК 24.04.97г.

Звонко, разливая трели,
Птаха малая из плена
Стужи хладного апреля
Поднималась вверх самозабвенно.
Выше, выше уходила точка...
Наяву в заоблачную высь,
Жаворонок залетел нарочно,
Но Земля вздохнула: «Возвратись!»
Падает к земле комочек,
Гибелью грозит удар,
Воздуха весеннего глоточек,
Под крылом удерживает шар.
Трубный зов Весны издалека,
Поднимает клювик птаха,
Жаворонок снова в облаках,
Высоту берет без страха!

СВЕТЛОГОРЫ ОСЕННЕГО ЗАКАТА

Я виденным могу лишь поделиться,
Как небо затопил сияньем стронций,

Заставив всё забыть и восхититься,
Горами и лавиной света на закате солнца.
Сознанием не осилить мощный неба зов,
Жар-птицу удержать в руках попробуй,
Когда в багрец одет небес покров,
Священнодействую,

снимая пред закатом обувь.

Такой свет истин для себя не мыслю,
Под парусами Славы озарённой Дали,
Ладьи России светло-горной высью
Позлащены, на круче солнца встали.
Мечта ли, явь ли или в скорби радость
Перед Казанской Матерью стою,
Отвержена, но горе ищет правость,
Я за Россию Господа молю....

4.11.97г.

ЛЮБОВЬ И ЖИЗНЬ 23.11.97г.

У сердца и под сердцем боль...
Из солнца горы видела я ныне,
Но на Земле живёт моя любовь,
Я без неё, мой Господи, пустыня.
К тебе за светлым сердцем я из мрака шла,
По тверди каменной ко храму я ступала,
А рядом синие тревожные глаза,
Сквозь пелену исканий забывала.
Тебя, и дом, и мужа, и детей
Люблю любовью, что морями не измерить...
Зачем горю теперь в огне страстей?
Чужих страстей, не мне им, Боже, верить.
Жизнь, как подарок на Земле дана,
Пыталась я пройти, не падая равниной,
И всё-таки вечерю я одна,
С любовью сердца неделимой.
Любовь и жизнь! Вам избранной тропой
Дорогой трудной, верной, белой
Горю негаснущей свечой,
Где ангел и хранитель мой,
Отсюда смотрит в мир иной!

ВОСХОД

Оранжево насквозь и чуждо
Луч солнечный, презрев успех,
Раскрашивал эскадру дружно
Небесных тучек в лисий мех,
Бранятся в спешке на работу
Водители – металл стеной,
А утру отдавая квоту,
Заря гарцует над землей!
17.02.98г.

ВЕЧЕР. МГНОВЕНИЕ ЗАКАТА.

Сгусток алого свечения
За деревьями подвел черту
Уходящему мгновению –
Он прибавил к прошлому мету.
Эта сущность вечная – не мы...
Грусти нет, придут другие,
Что также будут влюблены
В просторы неба голубые!
10.03.98г.

НАЧАЛО ДНЯ

Морфея исчезают чары,
А с ними призраки вещей,
Зеницы ящуров, кошмары...
Скорее к солнцу, в блеск лучей!
Атласную сдвигаю штору!
В накидке газа и шелков,
По безупречному простору
Со шлейфом нежных лепестков
Цветут и опадают розы
На лебединый стан берёзы...
Что явь, что грёзы!
Что сна угрозы!?
16.03.98г.

УРОК ЛЮБВИ

Ах, сердце чуткое,
 не верь словам шутливым,
Не молот с наковальней, не стучи,
По-девичьи желаешь быть любимым,
Прошу останься у меня в груди!
Уходит ночь. За окнами светлеет.
В блаженной тишине раздался чей-то свист,
Ах, не стучи, сердечко, этот миг милее,
Сейчас в берёзах выступит артист!
Соловушка бессонный без умолку
Выводит чисто ноту «ля...»,
А вслед ему по-детски и без толку
С хрипотцой кто-то повторяет соловья...
Неужто, правда? Мне не показалось?
Среди тиши в рулады хрустала
Фальшивя, нота снова не вписалась,
Но лишь на миг. Есть голос соловья!
Ты, слушай, сердце, слушай в одиночку,
Ведь тише ночи места не найти,
Те трели предназначены сыночку!
Волшебна сень! И под луной мотив.
Услышало ты, сердце, этой ночью
Урок Любви соловушка даёт!
А через год, я вроде напророчу:
Здесь новый соловейка запоёт.

Блеснула первая заря,

Мальш старается не зря,
Он птенчик пташки – соловья!
26.06.98г.

Ураган

Ветром ураган раздольно
Гнёт, шатает тополя.
Стонут дерева невольно,
В брызгах града и дождя.
Тополиные качели
Дол поклон по сторонам...
Буйство силы в гибком теле
Будит дюжий ураган.
Время ярости без цели
Не помеха парусам,
Оживет листом в апреле
Тополиный караван!
20.10.98г.

НАТАЛИ ПУШКИНОЙ

Судачат скоро двести лет
О женщине-жене поэта,
Что для Жуановых тенет
На сердце наложила вето.
Не силой сильная, а всё-таки стена
Стояла козни отвергая,
То верность благородная сама,
В ней недоступность для Жуана
роковая.
Не о гранитную скалу
Дантес растратил притязанья,
О неприступную жену,
Поэта с Богом воспитанье.
Татьяны милой идеал
Ожил в прекрасной Натали,
Но муж её не генерал,
А вещей тайных струн любви.

Крылами за собою повела,
Его божественная Муза,
И щит свой праведный дала
Священным Гименея узам.
Зачем поэт супругом став,
К барьеру призовет Жуана?
В Мадонне нежной распознал
Подранка жалкого обмана.
Нет, не красавчика Дантеса,
Не в блеске эполет повесу,
А. Пушкин будет вызывать,
Им просто рядом не бывать.
Поэт себе не изменил,
Убит как прежде, не убил
Но с соблазнителем любовным

Он стал врагом навеки кровным.

xxxx

30.01.1999г.

С мужем в горные вершины
Поднималась, за руку держась,
А навстречу старец белокрылый
Приглашает в Бога ипостась.
Я ж, как Лота соляная жёнка
Повернулась и смотрю назад,
Где осталась с детьми сторонка
И жилых огней парад:
Незабытыми, земными светлячками
Поднебесным вторят и горят.
С одиноким старцем белым
Муж согласно, как один, сидят
И ведут про жизнь беседу,
Обстоятельно о чём-то говорят.
Подошла, присела рядом,
Терпеливо жду, молчу.
И так низко звёзды садом
Расцвели и свесились к плечу.
Провожая вниз в долину,
Старец не сказал: ”Прощай”, –
Только молвил: ”На вершину
Ты за мужем все ж не отставай!»

СОН

Сон одолел меня незрячий,
Окутал невесомой ленью,
Сознания лишил, иначе
Я в памяти ночью сенью.
Звезду лучистую едва ли отличаю,
Что непременно ждёт в окне,
Заутреннюю птичью просыпаю,
Или без слуха стала я уже?
Весна! Безмолвья времечко ушло,
Поют, знать, птицы не в моё окно.
Преодолела сон липучий,
Сквозит досада: ”Что за случай?”
Иду к восходу на балкон,
Но давит чародейством сон.
Горчит повсюду тополиный запах,
проник до косточек, лопаток,
клубится пепельным туманом
дымок озёрный над лиманом.
Белеет хладная роса,
Но редки птичьи голоса.
Кукушка метрономом дальним
Кукует пересмешником прощальным.
А в малахитовом убранстве тополей
Планета света меж ветвей
Светилом ясным бесконечным
Блится надо сном беспечным.

К другому солнцу в доме подхожу,
 С иконы для меня в глазах вниманье,
 Минуткой этой дорожу,
 Шлю миру благодарное посланье!
 Опять объяла негою кровать,
 –“Я до утра могу поспать...
 Будильник мной не заведен”, –
 Но беспробудный навалился сон.
 Вдруг, слышу непонятный звук,
 Как будто бьётся кто-то тут.
 Я вижу в спальне голубую птичку
 С пометкой жёлтой на груди,
 синичку.
 –“ Ах, не разбилась бы в оконце!”
 –“ Не спи, не спи, высоко солнце!
 Пи, Пи!”, – и вылетела вон,
 а с нею улетел и сон.
 Часы показывали время встать.
 –“ Как странно день так начинать!”
 17-20 мая 1999 г.

ДОРОГА В НИКУДА

Дурман, трава опасная, дурман
 Туман, рассудку дозою, туман,
 Все мало, ненасытно мало,
 впивается иглы нещадно жало,
 кровь вспышкой обжигая,
 галлюцинация больная,
 пирует, РАЗУМ разрушая:
 “Глазуны желтизной стекают,
 и красным маком опаляют,
 у чёрной птицы клюв открыт,
 и Минотавра бык храпит”.
 Дурман, трава опасная, дурман,
 Рассудку дозою туман.

Наркотиков безумна страсть,
 Как спрута страшная напасть.
 Здесь смерти пиршества оскал –
 В глазницах от пустот провал,
 Сменяя в ожерелье черепа,
 Довесит череп бедного раба.
 Бесстыжа у дельцов нажива,
 Их Каинова клятва лжива,
 У них один и Бог, и Царь
 Набитый долларами ларь.

– “ Целитель юный и святой!
 Пантелеймон, Всевышнего благой!
 Уходит молодость из мира без стыда,
 Отдав на поругание года,
 Опасные и страшные, но наши дети,
 Любимые на этом Белом свете!
 Не дай погибели изведать торжество,

Вливая ядовитое вино!
Труды с надеждой не напрасны,
Убереги наш мир прекрасный!»
29.06.99 г.

Еёе раз о звёздах.

До сна иду к звездам сказать хочу:
“Спокойной ночи”.
– “ Неужто, где-то там есть внеземной
живительный источник?”
Тянусь бескрылая, и таю, на пальцах ног
едва держусь,
И поцелуй с ладоней посылаю неважно,
что безумною кажусь!
Блаженный миг и звёздный пласт,
Ответным жестом поразить горазд –
Чаруя красотой, ответствуя осел,
Приблизив звёздную, как вечность,
карусель!

Вот это да! Так значит, небо слышит,
Как любим мы, как плачем и чем дышим!
И на любовь откликнуться готово,
И более даров ему дороже Слово!
3. 08. 99.

АВЕ МАРИЯ ! (Светлогорск. Концертный зал.)

АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ!
Голос заморожено певицы
Уплотнялся, высился, порхал
А за ним разбуженные птицы
возносили радостный хорал.
Притаившись в сердце вдох
На свободу выбраться не мог.
Чуткие к высоким струнам души
Музыке провиденья послушны.

АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ!
Богородица, небесный херувим,
Спаса рождающая, чистейший серафим,
Развернула с испокон веков
Материнский над землянами покров –
Тканый плат любви бескорыстной
С путеводною звездой лучистой
над болящими, заблудшими в дороге,
теми, кто в горах, и кто в остроге.

АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ!
Припадая незатейливо к перстам,
без стеснения руки матерям
вы целуйте изредка, слегка
и седины дорогие у виска!
Обреченность есть в разлуке...

Но протянуты Святой Марии руки,
что от Бога пестуют младенца
– преданное людям сердце!
АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ! АВЕ МАРИЯ!
7.08.1999 года

Яблоне́вый Спас

Яблоки пригорочком улеглись в кошёлке,
зеленеют спелые барыньками в шёлке,
Наступил день праздничный – “Яблоне́вый Спас”,
благодатью лето одарило нас.
Я после полудня в опустелый храм,
захожу в платочке верующих мам.
Тишина. Кружочком догорают свечи
мирно пред иконами продолжают речи.
В куртке по-рабочему тёмной парусины
В брючинах поношенных из простой холстины
С чёрною окладистой круглой бородой
батюшка Валерий без ризы золотой.
С ним отец Антоний рослый и плечистый,
прядь волос закрыла лоб высокий, чистый
У рубашки ворот широко расстегнутый,
Рукава околышком выше локтя подняты.
Курские, рязанские, псковские мужики
разом бы признали, свои-то земляки.
Угол залит мутными от дождя разводами,
Пачкает и портит он красоту под сводами.
Тщательно укрыта стела алтаря,
На лесах священники Спас благодаря,
белят угол белою с синькою побелкою,
снеговою горною радуют отделкою.
Хорошо не во время я сюда зашла,
Что-то необычное для себя нашла.
Выхожу с поклоном низким за порог,
Я сегодня видела, в этом храме Бог!
10.09.1999г.

xxxx

Моей тоске не позавидуйте,
Уж слишком это тяжкий груз,
Я в одиночестве провиденья
материнских не теряя уз,
проходила тропами терновыми,
по хребтам скалистым шла,
пиками отмечена ледовыми,
а с собою брала письма.
Не явились ниоткуда Мы,
не рождением начался отсчет,
наследники той мудрой старины,
Что русским духом мир зовет.
За эту связь держусь упорно я,
Почётный, выстроив эскорт,
Я не во всем была покорная,

но в книжной полочке комфорт,
музыка слов и мыслей точная,
ни от кого не отрекусь,
и этими скупыми строчками
я низко книгам поклонюсь.

Передали по радио о рождении новой звезды

Нацелен телескоп, томится дух,
Зарницы к ночи фейерверк потух!
Взирая в запредельность дали
Умы ученых наблюдали,
Как звёздные алмазные спирали,
стремительно пронзая магистрали,
Милльярдами, стекали вниз,
Не изменив своих абсцисс.
Числа несметный звездопад:
Созвездий, россыпей, плеяд
Проходит мимо телескоп
Рожденье новой видеть чтоб.
Взрыв, буря, муки содроганья,
Зажатость, вздыбленность, рыданья,
Движенье, пламени волна,
Туман окутал и она
Сияет светом издалёка
И двадцать тысяч лет полёта
Её блистательных лучей
Земных касаются очей.

Октябрь. Ночь! Ноги босы
Ступили в палую листву,
И хладные ночные росы
Опасную затеяли игру.
Ничто меня не занимает,
Когда иду березняком –
А небо звёздно полыхает
И Млечный путь пролился молоком.
Замри очарованье, восхищенье!
Держи меня оцепененье!
Прикована кромешно, неподвижно,
Студёности земли не слышно!
И тихо: «Где-то там Звезда
В долине вечной рождена!»

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Ливнем скошены луга,
Лес разряжен в жемчуга,
Клён нещадно отсырел,
Блещет никелем «Харлей».
В полях шляпы озерки,
А в карманах сквозняки,
Как воронка, воротник,
Глушит воду напрямик,
Липнет к телу полотно,

Хляби в башмаках полно!
Дождь с грудастых облаков
Сокрушен был до штанов!
В лужах пухнет пузырёк,
На секунду, но царёк!
А карниз пятиэтажки
Облепили часто пташки,
Та повыше, над чертой,
Эти ластятся четой.
Ласточки свои рубашки,
Будто ноты на бумажке,
Прикрепили на стене.
Джаз на жалюзях, то мне
Барабанит Армстронг – дождь,
Водосток трубит насквозь!
Бубенцами бьют капли,
Птицы порх! И пересели!
Скрипка радугой дрожит,
Флейта бирюзой фонит,
Пар над логом – пьяно, пьяно,
И ликует день Бродяга!

От брата

Мой ум, в сомненье неустанном,
готов из сердца гнать любовь,
а сердце тешится обманом
и любит, любит вновь и вновь.

Нет у слезы обратной силы,
не исцелит, чтоб я воскрес.
Тебе не отогреть могилы
всем торжеством живых чудес.

И, тело в прахе прахом ляжет,
Коль в стуже лютой я по час,
И черный рок вовек не свяжет,
того, что развязал сейчас.

Сулит мне рана огневая
одни страданья впереди,
и сердце, кровью истекая,
напрасно бьет в моей груди.

И тешась безысходной мукой,
Твержу я сердцу своему:
“Любовь забвеньем убаюкай,
Гони любовь, поверь уму”.

СЛОВО (И. БУНИН)

**Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письма.**

**И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бесценный - Речь!**

АХМАТОВОЙ

Листаю томик я стихов –
салонный аромат духов,
картинно королевич сероглазый
по-юному на всех страницах сразу,
слогами с твердым знаком ять,
таланту помогал блистать.
Смеясь, не знала королева,
За музыку слагать напевно,
За слово, сказанное верно,
Батист не раз сожмётся нервно
В годину лживости и скверны
У женщины с глазами серны.
Кликушей отпоёт потери
Друзей и верных менестрелей
За сына, смертно холодея,
Как Мать под кистью Рафаэля
Мертвела в почерневший плат,
Горючей мукой с головы до пят.
Клеймёна у позорного столба,
Темницей угрожала клевета,
Невежество распяло тишину,
Прекрасной Даме, объявив войну.
Все в прошлом, никого уж нет,
Воители давно бесславны,
А эта женщина – Поэт,
С пиитами она на равных.
Своей натруженной рукой
В шкаф ставлю томик к ней другой,
Звезда зажглась перед звездой,
Певец и муж перед женой.
Известно всем, во время это,
Вы – оба русские поэты.
11.02.1999г.

ОСЕНЬ конца 20-го века

Век на исходе. И в канун природа
Осенний бал с согласия небосвода
Открыла продолженьем лета,
Ожившей пчёлкой отогретой,
На клевере собирающей нектар,
Как шерсть со стриженных отар.
Спешит добавить в кладовые мёда
Пока балует солнышком погода.
Две в трепете любовном голубянки,
Забыв про осень, на полянке
Шалея, сокровенный пляс

Устроили в последний раз.
Отчаянно цветут ромашки,
Их скромные на стеблях чашки
Вбирают зрелище метаморфозы
Чудес нечаянных на фоне прозы.
С небес ласкает доли синева,
И травы, осыпая семена,
Вновь цветом смело оживились
По приглашению нежданному явились.
Диковинная птичья стая,
Морское побережье пролетая,
Расположилась розовым ковром.
чуть шорох ветра за бугром,
Они летят пичужка за пичужкой
И розовым кустом садятся за опушкой.
На бале осени впервые незнакомки
Пугливо держатся в сторонке.
А солнце зноя багряницу
На золотистую зарницу
И на лимонные разливы,
И на пленительность оливы
Сменило, горизонты обновляя
Свободно заревом сверкая.
На этот разгоревшийся маяк
Ведет лебяжий клин вожак.
Он смотрит на Ярило зорко,
За ним и опыт, и сноровка,
И курс, что ведом лишь ему,
Он полон сил, и потому
Летят за ним все остальные,
Живые птицы, не стальные,
И где-то сзади всех милей,
Любовью лето согревало с ней.
Тревога есть. Не так давно
Подбили у неё крыло.

Гортанный клич разносит высь:
–“Отставших нет? Все собрались?” –
Трубит косяк синхронным ладом.
– “ А ты? А ты?” – “Я рядом! Рядом!”
И долго слышен крик вдали:
– “Отставших нет? А ты? А ты?”

Ах, осень, ах, пора смиренья,
Как чаровать умеешь без волненья!
К рукам налипли от земли комочки,
Со мною дети: сыновья и дочки,
Любовь земная неужели
Тоски Вселенской всё ж сильнее?
И крылья, провожая взглядом,
Вослед откликнусь им: ”Я рядом”.
Машу руками, сумасбродка,
На возглас, опускаю кротко,
Но провожаю в солнечных фотонах
плеск гусей-лебедей в коронах.

Осенний бал и лебединый глас.
Мы выбираем, выбирают нас,
За них всё выбрано давно,
Живут лишь там, где им тепло,
Но берегов других отрада,
Не близкого пути громада
Даётся только самым стойким,
Без счёта тем-то или стольким.

Деревья в красках вперемешку,
Как скоморохами в насмешку,
Над платьем со сквозной прорехой,
Что ветер утренний потехой
Уж близко сделает своей,
Но, а пока что из ветвей
Лисицей рыжею пушистой
Оранжевой и золотистой
Заполыхали галереи,
Прибрежья, парки и аллеи.
Хвост огневой стреножил ивы,
И разметал вокруг игриво,
Прикрыв канавки и холмы,
А лист кленовый в щель коры
Забился и цветным клочком
Притиснулся на бал бочком.
Златая осень уж в разгаре
И охрой тёмною, как встарь
Дубы облитые стоят.
Светлей их чуть на облаках закат.
Стою пред Господом в раздумье:
“Как, боже, в царствии твоём
Забыть о том, чем здесь живём?
Твое подножие любя,
Мы очарованы всечасно,
Творец трудился не напрасно.
Уходит век двадцатый сложный,
Как знать, какой же путь не ложный?
Наверно, тот, где век грядущий
Осенние сквозные кущи
Увидит в здоровой красоте,
И место жизни, сироте
Не уподобится без кровли,
И в этой жизни или той ли,
Созреют яблоки алея,
А матери свой плод лелея,
Всё также будут напевать
И пред тобой за них стоять.
Отчаянье, не доброй птицей
Пыталось надо мной кружиться,
Я ей могла по слабости предаться,
Да с радостью твоей не в силах я расстаться.
Нам русские, пройдя и худшие препоны
Надежду и любовь оставили в иконах”.
День следующий – середина октября,
Обычный для примет календаря.

Дела, дела. Все по делам
Торопятся, не зная, право,
Что ластится осенний бал
Прощальным всполохом на славу:
Явилась радуга подковой счастья
Пред тучей плотной от ненастья!
Нам свыше голубые длани
Шлют ёмкое своё посланье!
Земную твердь семью цветами,
Соединив лучистыми мирами!
В итоге «семь» – небесное число
Для бала завершение нашло...

Что ж, кажется, нашла ответ:
Так есть на свете счастье или нет?

**Не прихожанка,
Я пришла домой,
И не служанка,
Мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя!
Воскресный отдых твой!
Твой день седьмой!
Твое седьмое небо!
Здесь, на земле мне подавали грош
И жернова навешали на шею.
Возлюбленный, ужель не узнаешь?
Я – ласточка твоя, твоя Психея.**

М. Цветаева

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ (к 50-летию мужу)

По крутому берегу Дунаю
Ранние проглянули лучи.
Ярославна кличет, вызывает,
как кликуша одинокая в ночи:
– “Сокол мой, единственный, любимый,
от тоски лебёдкой хочу стать,
ветром до тебя гонимой
рукава на крылья поменять!
Над рекой глубокою б летела,
Над степями, где ковыль – трава
Битвою хороброю звенела,
Если б ею я тогда была!
Припаду к твоим тяжелым ранам,
И к груди могучей припаду –
Птице не страшны арканы,
Без тебя иначе пропаду!”
А заря все ярче озаряет
воды, одарённые слезой
На Путивле Ярославна продолжает
Причитать над речкою – рекой:
– “Ветер, сильный ветер, ветрило
Ну, пошто навстречу веешь ты?

Мечешь на дружину милого
Недругов калёные стрелы?
Разве нелюбезней было бы
Легкокрылым в облаках играть,
Или кораблям по морю синему
Паруса задорно надувать?
Ну, зачем поутру ветер дюжинный
Жемчуга срываешь ты с груди,
Отдала б сама за то, чтоб суженый
Не печалил раной ковыли!“
А заря всё шире над озором
Льёт на город на забрале свет,
Ярославна, не мирясь с позором,
Шлёт по водам Игорю во след:
– “О, ты, Днепр Славутич-слава
Так силён, что горы половчан
Ты разбил, и вои Святослава
Ты лелея, снёс в Кобека стан.
Возлелей обратно мою ладу,
Перстенёчки с рученьки возьми
Те, что он дарил в усладу,
Лишь его ко мне ты возверни!”

Солнце занялось в Путивле,
А навстречу Ярославны плач,
Руки на изломе крылья,
Да заря алеет, как кумач:
– “Светлое, пресветлое Светило
всем тепло и всем красно еси!
Отчего на русскую дружину
Ты палящие простёр лучи?
Иссушил их жаждою безводной,
Тетиву тугую умалил,
А меня печалию бездонной
И тоской сердечной утомил.
Светлое, пресветлое Светило,
Всем дорогам правым господин,
Порадей ты князю, другу милому,
Чтоб дороженьку ко мне не позабыл! 18.11.1999г.

К Рождеству. 7.01.2000г.

По подобью сотворен Адам,
Слабый он без воли созиданья,
Той, что Творче сам без содроганья
Всю Вселенную расставил по местам.

Не воспринял замысел и силу,
Назначенье с точностью светил,
Видно форму и для тела глину,
Женщину, чтоб время проводил.

Ева говорила долго
Благодарные слова,
А сама не вняла толком,
Что Всевышнему лгала!

А «ничто» живучим было,
Лестью Еву заманило,
С первенцев весь род людской,
Понесли его с собой.

Может быть, всё было так,
Может быть иначе малость,
Только разрушений крах
Об руку пошли и старость.

И мольба в столетиях: Зачем?
Столько зла, жестокости и боли,
Братской и тем паче чуждой крови,
Тленность красоты, зачем?

Для спасения избранницей Марию,
Бог назвал своей Богиней,
В ней любовь ко Господу земная,
Преданная с верою без края.

В книгах находила: “Боже!”
И читали сердце девы тоже.
Слово Бог для девы означало
Вечной жизни светлое начало.

Слову, внемля благовеста,
Безвестная невеста
Сына в чреве понесла
И питала, и ждала.

Звезда встала точно в срок
В место, где родился Бог,
Привела волхвов в пещеру,
Где готовилась к ночлегу
Рождающая по Слову Мать,
Собираясь отдохнуть.
Старцы встали на колени
Перед лучшим из творений,
Пред мечтою поколений,
В сыне воплощённый гений!
Он грудной пока малыш,
Тише, тише, тише, тишь.

Всех землян таким родством,
Поздравляю с Рождеством!

Родилась у Маши девочка. 7.01.00г.

ПРИЗНАНИЕ

Среди толпы, сияющей довольством,
Ребёнок, плачущий кричит,
И глаз голодных беспокойство
Внушает самый жалкий вид.

– “ Я маму, потеряла маму!” –
Сочувственно, склонились к ней,
Не детскую, увидев драму,
Часть сострадательных людей.

– “ Не плачь, скажи, она какая?
Глаза, одежду опиши”.
– “ Красивей, лучше не бывает,
Мне с ней тепло, в ней свет души!”

Вдруг вырвалась, бежит, рыдая:
– “Вот, мама! Краше не найти!”
Все видят нищенка рябая
Прижала девочку к груди.

К тебе моя любовь, Россия!
Пусть видит нищенку толпа,
Клюку из белой древесины,
И плат одетый ниже лба.

Целую прах у ног твоих,
И омываю твои струпья,
Чтоб зной палящих ран утих,
От грубой обуви на ступнях.

Богиня предо мною – Урания,
Ты названа в веках Россия!
И пыль алмазная на одеянии
Царицы неба выдает сияние!

ЖРИЦА

Слепит храм «Солнца» на горе
От жара полудневого светила,
На пирамиде в золотом ядре
Лучи, как в фокусе скрестила.

По лестнице поднялась жрица
Без обуви, лишь пальцы ног
Блестели жемчугом, орлицы
Крыло прикрыло плеч ожог.

Иссини чёрные косицы
Сплелись в причудливый узор,
И подведенные ресницы
Смуглянки удлиненили взор.

Вошла в святилище огня
И факел подняла повыше,
Огнём все своды, оттеня,
Златое изваянье в нише.

Убор надела на главу,
Усыпанный рубинами, алмазом,

Так с речью, обратясь к тому,
Кто солнечным владел приказом.

– «Я, здесь ступени одолев,
приближена судьей к бессмертным,
как царственный среди прочих лев,
так я возвысилась над тленным.

Познаниями богат мой ум:
По картам о земле читаю,
И в сочетании всех сумм
По звёздам время составляю.

Математический расчет
Предскажет урожайный год,
А мудрость сохранит запас
На год засушливый не раз.

Составы знаю я целебных трав,
Готовлю от смертей снадобья,
Высокогорный ареал,
Мной обойденные уголья.

С завистливым бесстрашна я врагом,
Их на пути нашла немало,
Не всех сразила я умом,
Жестокою в борьбе бывала.

Соседям тактикою смело
В военных замыслах урон,
Как в шахматном бою, умела
Я нанести, спасая трон.

Рецепт от старости известен мне,
Я эликсиром этим наслаждаюсь,
Мужчины гнуться предо мной к земле,
Я ж в этих спинах не нуждаюсь.

Все изучила ритуалы,
И книг старинные тома,
Труды к тому мои не малы,
А вот бессмертья не нашла.

Я к Вам пришла сюда за этим,
Я не могу истлеть как те,
Кто так презрен, в пыли и смертен,
Предо мной стоит в толпе.

Меня не слышишь ты, Владыка!
И тайна бытия сокрыта».
На спуске с храмовых ступеней
Сверкала шапка из камней.

На Севере. В заснеженном селенье,

Седой мороз крепчал сильней.
Луна сквозила. Звёзд виденье.
Раздолье ледяных полей.

В натопленной избе резной
Застелено всё кружевами,
Пол выделялся новизной,
И белый плат под образами.

У зыбки беспокойна мать,
Дитя от жара разметалось,
Его не удалось унять,
Как мать не билась, не старалась.

И к ликам обратилась мать,
Тем, кто заветом древним
В несчастьях волен помогать
В час ночи или час полдневный.

– «Помилуй, Господи, меня!
Быть может, я была беспечна
Быть может в радости любя,
Я забывалась. Ты лишь вечность...

О, Мать благого, на Руси
Заступница ты и ангел боли,
За крошку сына попроси,
Чтоб исцелил его от хвори!

Он друга поднял от одра,
Лечил калек, я это чаю,
А здесь малыш, и я одна,
Я лишь на Бога уповаю...

Ты видишь, Боже, слезы лью,
Я малая из всех на свете,
Но я так, Господи, люблю,
Как любят женщины и дети!»

Перекрестилась, поднялась и
Подошла тихонько к зыбке,
И вся румянцем залилась
От нежной у дитя улыбки.

Испарина на лоб росой
Легла здоровой благодатью,
А сон спокойною красой
Порхал над детскою кроватью.

Вернулась снова к образам
И в пояс низко поклонилась:
« Вы снизошли к моим слезам,
Вы слышали, как я молилась».

Взяла с подсвечника свечу,

В короне подтянула косы,
И лоб прижала ко стеклу,
Глядя на снежные заносы.

«Так припозднился муженек»...
Дыханием окно погрела,
Рукой прикрыла огонёк,
Чтобы свеча ясней горела.

Вошел с мороза. Борода
В сосульках, в инее белела.
«В окне увидел, как ждала,
Какой Богиней индевела!»
2000-02-07 февраль

Звезда Богини

Доступен нам лишь взор земной
К высоким далям поднебесным.
И объясненье со звездой,
Не спетою доньше песней.

Она взошла, над мирным сном
Под тёмным бархатом полночи
Когда почили все кругом,
и Овен стал на день короче.

Зефиром лёгким в паруса
Поднялись кружева у шторы,
Бессонные мои глаза
Глядят в пространство Терпсихоры.

Светлеть вдруг начал окоём
Зазолотилось обрамленье,
И звёздочка росинкою, углом,
Сверкнула, мне на изумленье.

Потом, как будто ожила,
И встала в эпицентр квадрата,
Немыслимо далёка и чиста,
Брильянтом уникального карата.

Фантастику почти, что не смотрю,
Но верю, небо нам родное,
Так мало знаю, но люблю
Его участие живое.

Плечом любимый заслонил просвет,
Тянусь за звёздочкой,
А звёздочки в окошке нет,
Погас на раме позолоты свет.

Глаза прикрыла, были то свои.
И как печать, Богиня света
С младенцем озарённым изнутри

По кругу солнца силуэтом.

Вдруг голос, облеченный властью:
Не для неё, она не та!
Опалена земною страстью,
Пусть полыхает от стыда!

На ней одежды нет черницы,
Земным красотам суждена,
По-своему пытается молиться,
Ей пепел на Суде цена!

«Душа, тебе нужна подмога?»
Затрепетала: «Верно, я грешна.
Что ж пепел, но в деснице Бога».
Как засветила мне в ночи звезда!

7 - 17 апреля 2000г.

Адамова мельница

Жара. Лупился от загара нос.
И волосы от солнца порыжели,
Манил раздольем полноводный плёс,
Где под гитары мы балдели.

Вода на коже пахла лебедой,
Земля травною позвонки ласкала,
Не русскою чернели худобой
Под бирюзовым знойным покрывалом.

Тут две реки под белой кручей
С далеких незапамятных времён
Сошлись и стали неразлучны
Сосна и Ливенка навек вдвоём.

А Ливенка чистейшею стремниной
Резвится и лучится на весёлый лад,
По камушкам бурлит, живит быстринной
И в честь её назвали город сад.

Стрекозы загляделись в зеркала,
Чуть обнажая голубые глянца,
Звонят с горы во всю колокола,
Со дна наверх искрят протуберанцы.

Немилость! Словно мир в долгу,
Из раковин дырявые скорлупки
Собрали горкою на правом берегу,
Перл, превращая в пуговицы, хрупкий.

Брод одолеть не выйдет ледяной,
Пронизывая судорожной болью,
Заломит ноги под струёю ключевой.
Не сделать и шажка по мелководью...

Лишь при впадении в реку Сосну,
Заметить можно в речке глубину.
На ней по старой памяти ещё
Вальками бабы отбивали полотно.

Отзвенела она радостно и звонко,
Отжурчала жемчугами грёз,
Золотую рыбкою сторонка,
Обогнула белокаменный утес.

Берега расстались, разошлись,
Оборвав серебряное русло,
И другими зорями зажглись
Воды, зеленеющие густо.

Чудными погожими деньками
Плавно драгоценный плеск наяд,
Тёмно-изумрудными водами
движет, завораживая взгляд.

Имя у другой Сосна, как древо,
Видно свойствами сродни они,
Как росток исток спешит налево –
Даль уносит, будто крону от земли.

Тихой рябью и спокойным ходом,
Шириною разобщённых берегов,
По преданьям, сложенных народом,
Речка скрыла свой глубинный зов.

И не раз бахвальство и гордыню,
Или удаль, или хвастовство,
Омутом и горькою полынью,
Одевала белым саваном за то.

Опоясала собой обрывы града,
Кручи из пород известняка
И спасала от татарского напада,
И угроз раскосых степняка.

Это были давние былины,
Но дивисься мудрости древлян,
Подарившим нам, живущим ныне
Обустройство ладное землян.

Вешние весной вскрывают силы
И ломают скованные льды,
И, бушуют тайные быстрины
На стихию, возложив бразды.

Я однажды видела разливы,
Низкий берег сгинул под рекой
И до горизонта цвета сливы
Блеск на глади помертвел бедой.

Но когда, нет паводка, а лето
Разукрасит изумрудом берега,
Вторит им зеленым силуэтом
Величавая зеркальная река.

Этим летом, осмелев настолько,
Что поплыла к берегу, туда,
А в себя не верила ни сколько,
Но держала меня ласково вода.

Слабосильная, дышала громко,
И не чаяла доплыть назад,
Мальчик, одноклассник Вовка,
Не оставил, и помочь был рад.

Вместе переплыли глубину
И течения быстрые протоки,
Что ж задело струнки, не пойму,
Когда ныне написала строки?

Раз катались на реке ночной,
Звёзды в небе и в воде сияли,
И в лимонные дорожки под луной
То тонули весла, то всплывали.

Я впервые, потеряла слух,
Разговоры ухажеров и подруги
Пролетали мимо, будто пух
Уносили звёздные дороги.

Поняла, смеются надо мной,
Глупой показалась или странной,
Но узоры лунною канвой,
Красотою будут звать обманной.

Такое лето выпадает всем,
Хотя бы раз один на долю,
Беспечное, то юности удел –
Зов спозаранку на реку гурьбою.

Жара! Лупился от загара нос.
И волосы от солнца порыжели,
Манил рекою полноводной плёс,
в то лето незаметно мы выросли.

Вода на коже пахла лебедой,
Земля травую позвонки ласкала,
Не русскою чернели худобой
Под бирюзовым жарким покрывалом!

Наполненные лодки две иль три
Задором молодым дышали,
В них девушки, достойные Гран-при,
И юноши, стройнее Аполлон едва ли.

На мельницу Адамову! – Куда?
За поворотом красное строенье!
Та даль, что наблюдаю из окна,
Мираж, мечта, моё воображенье.

Нас провожает побережий тишина,
Лишь птички, да и наши голоса
Нарушат мерный плеск весла,
Да вслед несётся эхо, егоза!

Сошли из лодок в заросли полыни,
В дурманной запах полевой травы,
И колокольчик беспокойно-синий
Выглядывал на возгласы молвы.

Останки крепости или жилья, какого?
Заброшены, местами вырос мох,
И, вдруг, ромашки с камня углового
Рассыпали букет, накрыв чертополох.

Что было здесь? Какой недоброй бурей,
Смело плоды и жизнь, оставив знак.
Огромный жернов, волею, чьих судей
Давно не мнет собою зрелый злак?

Кто был Адам? Чьей жизни черепки
Мы видим с грустью и печалью.
Какие думы думал у реки,
И за какой он торопился далью?

Плотина в заводи. Вода на колесо
Стекает изумрудным водопадом,
И крутится на холостом ходу оно,
Теряя время, что считаем кладом.

Удар по лопастям, и замыкая круг
С фонтанами и пенною волною,
Мне в брызгах показался вдруг,
Миг, прожитый давнишнею порою.

Все ближе, ближе треск колес
Летящая видна гнедая кобылица,
И придорожный гнётся от копыт овес,
И во весь дух несётся колесница.

Из-за неё красавец с бородой
Сам виден, и кнутом, вожжами
Бьет шалый по бокам гнедой,
И в исступленьи вьются те ужами.

Вот чудный глаз, раздутая ноздря,
И новизною блещет упряжь, сбруя,
И жёлтым шелком яростно горя,
Он пролетает с криком, словно пуля.

То мельник молодой, зовут Адам,
С версту летит, и, соскочив на землю,
Сургучны вожжи, бросив по бокам,
Упал в дорогу и рыдает хмельно.

«Ах, улетели, грустно, журавли!»
Мотая головой, отчаянно рыдает.
И птица вдруг одна: «Смотри,
Как любит он и как стенает».

– «Ах, не жалея, лети, лети скорей!
Поймает, крылышки подрежет!»
– «Невыносимы слёзы у мужей,
Моя любовь ему лучом забрезжит!»

– «Захочешь улететь в такую же пору!»
– «Надену путы на ноги тугие»,
– «Чтоб ковылять в насмешку по двору!
Затем кручиниться от ностальгии.

А если станешь бесполезной ты?»
– «Гнездо с детишками я вить умею».
– «Тоску твою услышим с высоты!»
– «Я и её для них преодолею!»

– «Ты будешь плакать, глядя в небеса»...
– «Заплачу я? Совсем как Человек?» –
Земля вздохнула, прерывая голоса,
– «Наступит их совместный век».

Плывем назад, под сердцем тишина,
И чья-то тайна гаснет за спиной,
Испить сойдет с простого кувшина,
Омытая душа Небесною росой.

Я домой отправилась босая,
Подорожники заволокли скат,
А навстречу, землю осязая,
Соком вишенным горел закат!
Май 2000г.

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ.

Восторгом было видеться с тобой!
Носил записки, а писал другой.
Задирой был, а подходил не смело,
По-детски сердце таяло и пело!

Была нежна, как по весне мимоза,
Бутоном, а не в цветеньи роза,
Всем улыбалась, или мне как будто,
И ночь я гнал, и ждал для встречи утра.

Года минули, повзрослели дети,
Но, ту, которую я снова встретил,

Узнал, и как мальчишка, очарован
Всё той же я улыбкой околдован.

Я столько женщин на пути встречал,
Но ты, которой я записки отдавал,
Повадкой лебединой от природы
ушедшие напомнила мне годы.
3.06.2000 г.

ЛАСТОЧКА (УМИЛЕНИЕ)

Я была всех меньше, худосочней,
Он прижал к себе, не отпустил,
И покинула родных и берег отчий,
Веря милому, навеки полюбил.

Ласточки, прощаясь у порога,
Закружились, вылетая из гнезда,
А меня звала сума-дорога
И вела Любавою звезда.

Расставаться нестерпимо жалко,
Прилепилась половинкою к нему,
Без него служанка, приживалка
С ним царица в терему!

Ласточки чертили на просторе,
Белым облачком и угольком хвоста,
«Если встретишь лихо или горе
Поищи нас, глядя в небеса».

Забывала, уходила, торопилась,
Не царицею, а русскою женой,
В небеса безумная влюбилась,
Оставаясь ласточкой земной.

Ладим мы на море отчий дом,
И к земле склонились за заботой,
По старинке, заняты трудом
И от солнца лица с позолотой.

Ласточки под крышей свили
Нам на счастье, весело звеня,
Птенчикам гнездо из глины,
Умиляя малышкой меня.

С юга, севера ромашки полевые
Безупречно шёлковым ковром,
Обступили и заполонили
Радость общую – на море дом.
16.06.2000г.

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА.

Ты вор! Ты обокрал меня,

Всю до чиста, до наготы,
До нитки, оставил без огня,
Без света дня, без красоты!
Ты обобрал, ты все унёс,
Ты памяти лишил, лишил ума!
Была богата я, как крѣз,
Теперь у нищего сума.
Да, если бы тебе то было надо,
а то игра, одна забава
для покера иль для базара,
не ведая цены товара.
А я как будто бы без кожи,
Оголена, обнажена,
Но в кулаке зажала всё же,
Еще не знаю, что сама...
И вижу на изломе линий,
Украсть не удалось, не смог!
Имя, моё от роду Имя,
А остальное мне прибавил Бог!
25.06.2000г.

ШИПОВНИК

Параллели. На повороте тоже!
О встрече где-то...Безнадёжно
Мечтать и верить. По рельсам
Вагон ныряет Царскосельский.
Горизонтالي. Платформы серы.
Навес, перила по спирали
И вниз ступени.
И в ожидании прощально
Мелькают люди,
Однообразно и фатально
Из трудных буден.
А под платформою шикарно,
Как кино ролик,
Цветет шафранно и угарно
Кустом шиповник.
Цветет упорно и некстати,
Как на свободе,
И я свой стих, как в зиму платье,
Держу в комодке.
27.06.2000г.

ПРОЩЕНИЕ

На мудрый царский суд
Был призван давешний должник.
За не оплату, предвкушая кнут,
Дрожащий, головою сник.

Молил царя, что нищ, и сир
В пыли лоб, руки с бородой,
Желал ему блага и мир,
Заканчивал же горькою слезой.

Так жалок, так несчастен, нету сил
Смотреть на горемычную молву,
И царь долги ему простил,
Талант на бедность, дав ему.

Повеселел, идёт, поёт,
Деньгу, припрятав в сгиб халата,
Повинную главу меч не сечёт,
А так близка была расплата.

Навстречу брат, его должник,
И только что, был сам прощённый,
Он поднял оглашенный крик,
Деньгой, коря не возвращенной.

Царь вновь призвал его к ответу,
Ему той брани не спустил,
За золоченую монету
Должник чуть брата не убил.

Теперь рыданиям есть причина,
Гнев царский, он на то и гнев.
Что сеешь, нагибая спину,
Таков и вырастет посев.

ПОЛЁТ В С.ПЕТЕРБУРГ.

Летим, летим, летим на самолете
В любимый город юности и грёз,
А за бортом в заоблачном оплоте
Цветут сплетенья солнечных полос.

Играет солнце, и сквозные перлы
Кудрявятся, блистая под крылом,
Или валами мчат быстрее серны,
И розовеют дымчатым пластом.

Орлиным взором разглядеть желаю
Морские очертанья, сочность трав,
И вижу то, что в жизни не встречаю:
К часовне просеку через нефрит дубрав.

На плитках солнечных Мадонну Рафаэля
Ищу с ребёнком не укрытым, без одежд.
Мелькнёт ли с окоёма ризами алея,
Она в просвете призрачных надежд?

В лазурь бездонную, густую устремляю
Все тот же любознательный вопрос...
Явленья физики я зримо понимаю,
Но задираю в синий космос нос.

И все-таки нашла не бывшее доселе:
Круг солнечный сумел пройти в окне

И вспыхнуть лучезарною камеей,
Отображённой кругом на земле.

Летим, летим, летим на самолете
Внизу щемящий накренился луг,
И неотрывно в бреющем полёте
Слепит от солнца отражённый круг.

Прагматики скептически заметят
Законы оптики вовеки не умрут,
Я ж утверждаю, мысли тоже светят,
И светом истинным себя переживут.

Гостиница

Гостиница без звёздочек, без ранга.
Стрелюю трещина пронзила потолок,
Дверь шифоньера, то и дело, танго
насвистывает, как печной сверчок.

Обвисшая, понурая портьера,
Лубок, краснея, перекошен на стене,
И комариная во сне премьера –
Запущенность и бесприют везде.

Я не смутилась этим не удобством,
Хотя привыкнуть к этому нельзя,
В большое время я болею русофобством,
И не из пешки вывожу ферзя.

Сам господин державный град Петра,
Как антиквар дражайшую поэму
Открыл под Белым пологом шатра,
Иссакий взнося, как диадему.

Оградам, паркам, зданьям Ренессанса
Сиянью шпилей, царственным орлам
В глубоком приседаю реверансе,
С изяществом высокородных дам.

Казанскому собору – глыбе града,
Где истина над ложью верх берет,
Склониться каликою за Россию рада,
За деточек, за мужа, за народ.

Атлантам, как и в юности, по-женски,
Взглянула в маску каменных белил,
И встречный, под колонной арабески,
У рта, гранита складки раскрошил.

Не вспоминаю, но пришлось на плечи
Взвалить и удержать с трудом,
То, что дается просто, жизнь и дети,
Дух мужества, и с верой в Бога дом.

А в Мариинке, не в злаченном ложе,
А с Музами, почти на потолке,
«Снегурочкой» люблю и таю тоже,
И умираю отголоском в хрустале.
13.07.2000г.

РАЗОРЕНИЕ

Меж пальцев сыпется земная пыль
Дорожкой печальной возвращаясь
Опять к земле, разрушенная была
Гнезда, надежд, литаний и, прощаясь,
Держу в руках касатки умиление,
где пух и перышки с окраскою своей,
Соломка трав в корзиночке плетенья
Периной теплою сомкнулись для детей.
Что помешало удержаться доле?
Быть может ветер или буря моря?
Работа грубая постройки в доме?
Для ласточки птенцов причина горя.
«Ты сожалеешь о гнезде для птицы?»
«Да! Я их ждала, и радовалась в тайне
на добрый знак, что стали они виться
у нас и их усилья рядом не случайны».
«Тебе гнездовья ласточкиного жаль,
Как мне не пожалеть гнезда людского?
Земли Российской запустелый край
Народа угасанье столбового?»
27.07.2000г.

Пленный соловей

Затворник пленный, бедный соловей
И в клетке тесной
Он будто чистый упоительный елей
Сладчайшей песней
Врачует души грубые в неволе
С тончайшим слухом
К руладам страстным соловьиной боли,
Тревожным звукам.
Та песня воскрешеньем розе станет,
Чьи смяты лепестки,
Как жаль, мой восхитительный, цвет вянет,
Но аромата удостоен ты!
Духи у розы так благоуханны,
Божественно нежны,
В них нет иглы для сердца раны
Способной нанести.
(Вариант перевода с английского языка)

Древняя книга

Благоговейный трепет испытаю,
Дотронувшись до атласа листов.
У стёртых знаков тайно вопрошаю

О сущности и мудрости основ,
О пламени страстей, о взлете духа,
Об устремленности к красотам божества,
О магии любви, где смерть-старуха,
Хоть губит, но не взыщет торжества.
Ласкаю корешки с затёртым знаком,
Прикосновение смело времён распад.
И кто-то вдруг лицо задел крылато...
Отвечу я ему – пусть даже невпопад.
10 августа 2000г.

ВЕСТНИК (АНГЕЛ - ЗЛАТЫЕ ВЛАСЫ)

Я вновь стою перед тобой, моя Россия!
Музейный экспонат – древнейшая святыня,
Видавшая нашествия Батыя
И распри княжичей, коих вела гордыня.
Враждебна чернь, затенено светило
И звезды изумленно светят днём,
И брат забыл, что мать одна вскормила
Родного брата тем же молоком.
И мудрые, предвидя на Руси невзгоды,
В глухой пещере плача, и моля,
Зовут одуматься быстрее, чтобы
Сумел помиловать их Высший судия.
С Востока всходят утренние зори,
И ангел с золотом старинным в волосах
Летит, две ленточки остались в априори
И весть сомкнута на коралловых губах.
А над челом горит карбункул алый,
Для смертных многих непонятный знак,
Миг остановлен чудно-небывалый,
Червлёным золотом, распугивая мрак.
г. Санкт-Петербург Русский музей 21. 08. 2000г.

Владимирская горка

Ушибами земля частенько привечала,
А может, плохо я держалась на ногах?
Преграды, выступы вокруг не замечала,
И шишки набивала на её буграх.
Раз в Киеве, где Днепр течёт могучий,
Почётно, на Владимировой горке
Шалуньей легкомысленной получен,
На подбородок гуз, с ним привкус горький.
В раздумье, потирая кручу подбородка,
Зову две музы проводить меня,
Вас: Клио с Мнемозиной, другом самородка
В круг княжичей, на горку, за врата Кремля.
День ясный. Небо синее безоблачно сияет
И солнце тонкорунный посылает свет,
И белый голубь в тех лучах летает,
Князья впервые держат на Руси совет.
Не засуха, не дикие набеги, не потоп
Опустошили русла, пастбища Державы,

То братья, призванные Высшим, как оплот
Враждою обагрили флаги русской славы.
Сидят по кругу, чашу наполняя мировую,
Мужи, воинственный, удерживая жест,
За общую Отчизну, брагой вкруговую
Клянутся честью, с тем целуя божий крест.
В них кровь течет великих, знатных дедов
От Рюрика, от Ярослава Мудрого в летах,
Здесь Святополк; Давид и Ярослав с Олегом;
Василий, Володарь; Давид от Игоря и Мономах.
Владимир Мономах всех боле озабочен
Слабеющей Россией, скудеющею пашней оратая,
От беспощадных битв и Киев стал, не прочен.
Зверь в лес бежит, и птиц умолкла стая.
Бесстрашный муж в походах и сраженьях,
Вязал по нескольку в густых лесах коней,
Шёл на медведя, буйвола и на рогах оленьих
Бывал, и не щадил от юности он головы своей.
А ныне братьев речью любо мудрой
На мир для Родины словесностью склонил,
Но миротворца мирта оказалась трудной,
Когда бы ветвь не поддержал архангел Гавриил.
Встают, объятными скрепив и клятву, и союз,
Народ благословлял их княжескую дружбу,
И половецкий присмирел враждующий улус,
И тем Отечеству уж сослужили службу.
Пишу, а через восемь пройденных столетий
Собрался самет всех Держав земных
И стяги бьются птицами, палитрой многоцветий,
И наш орёл Российский среди них.
Христос в ладонях держит шар земной
В тумане белых облаков по синеве его хитона
Земля плывёт, и солнце воссияло силой той
Любви и жизни, к радости всеобщей оно.
Вы, Музы, спутницы мои,
я возвращаюсь из-за сходства
В тысячелетье третье, боясь поднять из праха
И пыли медаль, где кровью истекало благородство
А злоба клеветою всё ж достигла краха.
Наследникам своим хочу лишь повторить
Не мудрость собственных прозрений от ошибок,
Но Мономаховым ученьем проторить
Дорогу русскую, как жить, а не как выжить.
« Есть добродетелям основа – две любви,
Одна к творцу, к величию Господню,
Другая – к человечеству земли,
К благоразумью дел, не к празднословью.
Жалейте сырых, ибо всяко достоянье божье
Пришло на время, жизнь людей священна,
Не убивайте! Не обольщайтесь суетною ложью,
Для тела и души её губительность безмерна.
Больных не оставляйте, мертвых не страшитесь,
Такая чаша не минует всех,
Просящему подайте, умом не возгордитесь,
И праздных минимум себе утех,

Когда в хозяйстве надо присмотреть самим,
А в ратном деле послужить примером,
Опасность видеть, и сверх всяких сил
Бесстрашьем отличиться, для Победы верой.
Седины старых чтите, как печаль отцов,
Любите юных братски, не кичась с сестрою,
Несите гостю лучшее вино из погребцов,
Жену любите, но без власти над собою.
Бегите лени – испорченности мать,
Она ключи от тайны, предпочтёт порокам
Учения, труды, ещё молитва стать
Помогут Вам мужами, посланными Богом!
День начинайте с солнцем, так восхваляя Бога:
– «Мне очи, сердце просвети, Высокий Боже!
И светом красным озари сады чертога!
Твоим слугою начинаю день, а не вельможей».
Да имени Его не призывайте всуе,
Но клятву, данную, не смейте преступать,
Заверенную мужним, крестным поцелуем,
Чтобы вовек Иудой вам Христа не целовать.
Благословение с любовью принимайте,
Не удаляйтесь от духовных лиц, затем,
Что молятся за нас, и крепко понимайте,
Что жизнь дана, как в долг и без дилем
Все смертны. Но не бойтесь, дети, смерти,
Я не щадил себя, но охранял Господь!
Его хранение надежнее людского, верьте,
С ним духом правый, с ним здорова плоть.
Всевышнего, благодарю за дней моих избыток,
До старости маститой доведен его рукой,
Потомкам, оставляя рукописный свиток,
Последнее даю, не взяв ничто с собой».
Еврей чтит мудрость Соломона у стены,
Что до сих пор зовут стеною плача,
Семь пядей у Владимира во лбу видны,
Святящие всем русским, святости не пряча.
Я наполняюсь, как вновь собранный сосуд,
С цветных узоров и кусочков мозаичных,
Любовью к Родине, и униженья, мира суд,
Не скроют путь её, и в страшном, не обычный!
7.08.2000г.

Утро на море.

Предосенний дождевой туман
По небу вершится облаками,
Солнышко – восточный талисман
Поутру покрыл их жемчугами.
Под его живительною силой
Заклубились росами туманы,
А у моря дюны с дикой ивой,
И песок пропитанный тимьяном.
Захожу в студено сине море,
До песка сквозная чистота,
Полумесяцем серебряным угрёнок

Близко объявился неспроста.
Что-то хочет рассказать такого,
Он изгибами и жестом языка
Мира суверенного морского
Нам, на них смотрящих свысока?
Рыбка замерла, стоит стрелою,
Поднырнула, боком поплыла,
Будто притворилася живою,
Или будто тихо умерла...
Ртутной каплею, колечками сомкнулась,
Молнией блеснула на волне,
И головкою спружинила, споткнулась,
Пируэты, повторяя на воде.
Маленький угрёнок возле кружит,
Притворяясь рыбкою ручной,
На волне подплыл остуженной
Поделиться горем иль мечтой.
Как язычница затею понимаю,
Но утерян дар общенья у людей,
Может его стайка погибает?
Кто-то тонет в ярости страстей?
Как ожог Балтийская остуда
Телу, будто лодке на мели,
Заклинаю, веря только в чудо:
«Рыбка серебристая, живи!»
8.08.2000г.

Двое

Ветка сакуры в волшебном цвету
Пряною негой ласкает,
И лепестками сквозит на лету,
В воздухе кружит, витает.
С гор синеватых туманы спешат
Утренней к вишне порою,
Дымкой сквозною они окружат
Домик в саду под горою.
Сакура духом весны налилась,
Ветвь, как изыск диаманта,
Силой таланта в цветах поднялась
на розоватых пуантах.
Держит её грубоватый на вид,
Сильный, с сучками, упрямый,
Ствол, что цветущею веткой обвит,
Не опьянённый бальзамом.
Корни в земле у него глубоки,
Не завлекут терренкуры,
Чтоб вдохновляться могли знатоки
Белою веткой сакуры.
15.10.2000г.

Посвящается памяти моей мамочки: Покров Божьей Матери

Какие времена, какие письма,

Какой порыв душевный, человеческий
Какие всходы вызревают, семена,
Среди народов, градов и наречий,
Когда Мать Божия звездой своей
И белым покрывалом среди весей
Путь обозначит ясный для людей,
И зазвучит любовно песня песней.
И Млечный путь алмазами покров
Усеет материнский бесконечный,
Даруя свет, что от начала Богослов
Возносит нам из века в веки вечный.
И с бело-дымных изумительных небес
Как стая лебедей, крылатая пороша
Покроет землю, воды, доли, лес,
Предпочитая бедам день хороший.
Летит по миру милосердный плат,
Божественная ниспадает нежность,
И чаянья людей под купола летят,
Раздвинув широко небес безбрежность.
18.10.2000 г.

Эдельвейс

Самолеты свершают свой рейс,
Тормоза завизжали у входа,
И на юность старинная мода,
Я ищу для тебя эдельвейс!
Распахнул не по джелтменски кейс,
Ты другая, чем надо порода,
Я же слышу, как дышит природа
И ищу для тебя эдельвейс!
Забавляет убийствами Чэйз,
На экране жаргоны от сброда,
А на горной вершине свобода,
Я ищу для тебя эдельвейс!
21.10.2000г.

Эдельвейс

Возле трещин выступ каменный.
Зацепившись за обрыв,
Эдельвейс жемчужно-пламенный
В недоступности царил.
Нет путей к нему проторенных,
Лестницы или перил,
Коней сытых и напоенных,
Вестника среди порфир.
Дотянусь, сорву для любого!
Задержусь из последних сил...
И до дня завещаю до ссудного –
Чтоб любви моей ты не гасил!
22.10.2000г.

Н. Гумилёву

Люблю, возможно, безрассудно,
Без памяти. О том клянусь,
И пленницей невольно чудной
Быть я нисколько не боюсь,
Ты для меня звезда ночная,
Небесная, не дотянусь,
И от любви твоей сгорая,
Сама звездой становлюсь!
В тебе я не ищу защиты,
Твоей я не прошу любви,
Что позвала – меня прости ты,
Что слышал, Бог благослови!
25.03.01г.

xxxx

Мой мальчик, милый, юный паж,
Ты не смотри в глаза, там омут,
Что сердцу для печали дашь?
Давно сдалась навек другому.
С ним под руку в толпе людской
Плыву без права остановки,
Но встречный взгляд, тот, не мужской
Нас приведёт, боюсь, к размолвке.

xxxx

Не торопись со мною объясниться,
Не выясняй откуда в сердце грусть,
Не спрашивай, чтоб нам не ошибиться,
Изящество в нас уцелеет пусть.
Во всем всегда одна я виновата,
Плод подавала сладкий, перезрелый,
Любовь и осенью оттенками богата,
Но исчезает безупречно-белый.
2 Апреля 2001 г.

xxxx

Пропади, пропади ты пропадом!
Ненавистная, окаянная!
Ты постылая, сладким шёпотом
Увлекла, насмехаясь, обманная!
Сердце бьется грозью неистово,
Полюби же и ты всею силою,
Пересмешника норовистового,
Чтобы стал он твоею могилою.
«Эй, прости, что тебя проклиною,
С болью жгучею сладить невмочь,
Твое Имя, в сердцах призываю
День и ночь, день и ночь, день и ночь».

Благовест

За дверцей заплакала тайна,
Твой ключ, это песня любви!

ТЕНИ В ЛУННУЮ НОЧЬ.

Открыты двери, и в саду в полночь
Как истуканы, от деревьев тени
Не возразят и не исчезнут прочь.
И глади глянцевого тропинок и растений
В подлунном пире превосходно отразят
их дрожью фосфорических видений,
да тучки темными полосками скользят
перед лунным диском, поглощая тени.
Среди тиши и полного молчанья
Заметно вырастает тень, паря,
Идет и движется, и до высот сознанья
Достигло то, что это тень моя!
И в лунном свете слушаю цикады:
Напев трескучий со сверчком меня
Так трогает, что чувствую не надо
Мешать сей тайне светлой бытия.
8.08.01г.

РАССВЕТ – две утренних звезды

Уходишь ты, уходишь на рассвете
Я провожатая!
Нет даже звука на планете,
Заре глашатая.
Машу, или молю прощенье
Что ж, суеверная,
Боясь беды, не возвращенья,
К стыду, наверное.
Стрелой восходит из колчана,
Суть ясновидящей,
Поражены зрачки Халзана,
У ночи движущей,
Бледнеет Ойкумены бездна
И звёзд урочища,
Им радость солнца неуместна,
Быль, небыль полчища.
Восток играет дня началом,
В нем эра видится,
Звезда любви над тем причалом
Горит провидицей.
Глаза в глаза, ещё звезда
Авроре парою,
Испита чаша ли до дна
Святой Державою?
Свидетелем у пары той
Я третья лишняя,
Как жаждет сблизиться с землёй
Любовь Всевышняя!
12.08.2001г.

ВЕТЕР

Он – ветер, слышите стенанья?
Нет, не в квартире городской,
На вольном поле заклинанья,
Шаманит вихрем день-деньской.
Деревья шлют негодованья
Его нахальности шальной,
Бесстыдно рвущей одеянья,
Шумят и гнутся, слыша вой.
Он трав не слушает роптанья,
Летит над ними, как чумной,
Под крышей чередой рыданья
Глухие слышатся порой...
Морской пучине зов к восстанью
На ближний и достойный бой
Он бросил, дабы испытанью
Подвергнуть каменный прибор.
Тебе, шлю, путник, дар признанья,
Что он безумный и смурной,
Пред словом божьим притязанья
Унял и сделался ручной.
И над моей стихией слёзно
Прошу утишить длань свою,
Ведь, что, казалось грандиозно
На деле пустошь узнаю....
19.09.01г.

Лебединая семья

Лебедь, потерявший пару,
Может быть, не встретивший ее,
Бликам солнечным в забаву
Одинокоротаает бытиё.
Оперения его чисты как нимбы,
Отражая, преломляется вода,
Линий совершенные изгибы,
Повторяют зазеркалья повода.
Белой птицы гордое движенье,
И упавших перьев корабли,
Странностью заботит размышленье:
Одиночество случайность ли?
Восхитил негаданный финал,
Или занавес живой картины:
Лебедь, а в лучах опал
Главной солнцу песни лебединой!
Рядом с лебедем гортаня,
Белая лебедушка плыла,
И птенцов пятерку в стае
Серых за отцом вела!

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество различно у живых,
Омраченное страданием изгоя,

Не понявшие себя и остальных,
Не находят средь людей покоя.
А за звёздными высотами вперёд,
Устремленные и принятые Дао,
Пересядут в одинокий плот,
Для свидания с изящной Дамой.
И в отшельники немало уведёт
В шахту кельи, пустоши мембраны,
В лес волшебный, отречения грот,
В суть прелюдий органа нирваны.
Октябрь.01г.

О ЛЮБВИ

Скажи: Зачем тебе мое сердце?
Не знаешь? А хочешь забрать...
Закреты для пошлости дверцы,
Есть ключик, не надо ломать...
Ты рыцарь железной перчатки
Ты воин, а сердце при чем?
Спешишь: твои дерзки ухватки,
Да ключ не заменишь мечом.
Торгуешь: дары кольца, бусы,
Сапфиры, рубины, опал,
Ценю ювелирные вкусы,
Но к сердцу ключа не сыскал.
Глядишь: и почти ритуально
Напевы сложил рубаи,
За дверцей заплакала тайна,
А ключ, твоя песня любви!
10.10.01г.

Разговор.

Как ворон ночь, и деспотично месяц
Сияет праздно, молод и горбат,
И пальцы на стекле распяты – десять,
И звездный стан – надломленный гранат.
Застыли фары «Ауди» в пространстве,
Раздвоен сигаретный уголёк,
То в стороны уйдет, хлестнув протуберанцем,
То сблизившись, дырявит темень поперёк.

Как хорошо, что хрупкой люстры свет
Упал на чашки две с одним бокалом!
На белой скатерти кофейной розы срез
Был резок, и пятно дождем стекало.
Помады оттиск обагрил фарфор,
И рук твоих моя не прикасалась,
Я пил вино, изыскан натюрморт,
А ты с лучом оконным целовалась.
2001г.

ПИСЬМО

Лист белый, весь измаранный
Словами сонными, что пылью,
И оскорбительными ранами,
беде стреноженной былью,
изысканно задрапированы
Обласканы любовной ложью,
так грамотно экипированы
что лист письма не прянет дрожью.
Бумажным приплывет корабликом
На стол журнальный и надолго,
Затем придавлен будет шкаликом,
Замасленный, не осердится толком.
Гей! Сердце, мажь чернилами!
Люби, терзаясь втихомолку,
Сыпь угольками не остылыми,
И соколом присядь на полку!
29.10.01г.

ПИСЬМО -2

Все перечла: живу чем, и зачем грущу,
О том чем мучаюсь все реже, реже...
О смене адреса, меж строк, оповещу,
Морское, обживая побережье.
Погода осени изменчивая дева,
То слёзы льет и серый день с утра,
А то лучами соблазняет с неба,
Да тангенсом лебязьего угла.
Стыжусь благополучию, когда
Пишу сестре. У ней всё плохо, плохо....
Нас развели и судьбы и года,
Я Пушкину вяла и стала впрямь тютеха.
Такие женщины сегодня не в чести,
Их свежесть поражает нафталином,
Есть доля против времени грести,
К сокровищам забытым Мнемозины.
Могла, а все же не сошла с ума,
Что нам дано? Срединная бескрайность!
То мошку ловит одержимая луна,
А то в кристалле всей Вселенной малость.
Любовь и смерть, любовь и страсть!
Порыв, тайфун, торнадо, дальше пусто!
Стихии запретить нельзя, Калифа власть,
Любить и жить, вот таинство искусства!
В замочную дыру подсматривать не гоже,
А через стену кто не раздирал штаны?
Так с тайной бытия, предчувствуя острожно,
Упорно вопрошаем кто же мы?!
31.10.01г.

ПОЛЕНО

Остыла осень... Поредел, промок аквамарин.
Простуда гостей! Хорошо бы затопить камин...
Зола на углях сбитой молью серебрит,

Узорно чернь дырявит прогоревший манускрипт.
Заноза – плата. Полено без разбора сжато на угад.
Глубь аккуратна. В костер не бросишь золотой дукат.
Береза белая. Мох войлоком кудрявым постарел,
Кора ороговелая, натянута до крайности – предел.
Болезнь и голод...Рощею сестер белели дерева.
Обнять был повод! Проще: выживала, их чтоб на дрова...
Сучок иль страз? Или бревно в моём глазу?
Косится глаз в полене на камина амбразуру,
Треск, искры, чурочка горит во имя, дерзостью огня!
Вот дурочка! Ты человек, и в этом вся вина твоя!
Что ж человек? Чужак планете, алчен, да с умом!?
Что за упрек? Благодарумье, мера и она Ваш дом!
В камине пляска. И от неё исходит нега малышам,
В тепле и сказка, как некогда Людмилу спас Руслан,
Варенье вишни. С жару, с пылу блинчики горой,
Из плюша Мишки. И детский голос в крик: «Он мой!».
8.11.01г.

БЕРЁЗА

Остыла осень. Поредел аквамарин.
Простуда гостьей. Хорошо зажечь камин.
Зола вечерняя соль пепла серебрит,
Узоры чернью лижут манускрипт,
Полено взято в связке наугад,
В костре дрова – пехотный авангард.
Кудрявый мох березы овдовел,
Был зелен, под секирой побелел.
Сучок в полене виден или страз?
Раскос темнеет у полена глаз!
Болезнь и голод ...роща дев полна,
Я выжила, а их вот на дрова...
Зарей в лазури плыли деревья,
Сестрою названной для них была...
Горят во имя дерзостью огня,
«Ты человек, вот в чем вина твоя!»
Чужак планете? Алчен и умен?
Да в доме дети, и вопрос решен....
В камине пляска. Нега малышам,
В тепле и сказка, на коне Руслан!
Варенье с вишни. Блинчики горой,
Из плюша Мишка. Детский голос: «Мой!»
9.11.01г.

КАПЛЯ В МОРЕ

Когда бы каплею посмертно возродиться
Морскою, с солью, не для жажды,
Жемчужным гребнем о валун разбиться,
И даль, как змей желать бумажный.
Облизывать отливом кораблей железо,
До глубины винтом пробурировать пласты,
Чтоб рыбке золотой под рокот полонеза
Без корысти сознаться: «Берег ты!»

До кожи моряка в ненастье просочиться,
И выжариться солнцем в облака,
Чтоб журавлиные поддерживать ключицы,
И Землю видеть до пылинки свысока.
А в засуху дождем поля смочить родные,
Набухнуть в колосе ржаном,
Чтоб в доме, где созвучны сказкам были,
Стать черным хлебом за столом.
В глазном хрусталике ребенка объявиться,
До боли ощутить его права,
И жадно познавать, опять влюбиться,
И буквы на листе лепить в слова.

ПЕРЕД ЗАТМЕНИЕМ СОЛНЦА г. Светлогорск

Затмение солнца, не сегодня – завтра!
Осколки окон сажею коптят.
Луна взойдет царицей Клеопатрой
И заарканит солнечных ягнят.
Со всеми не мараю стекла...
Закат и море. Я туда вхожу!
Слегка стрельнула боязнь и умолкла,
Отринуть на затмении паранджу!
А солнце головой паленой кожи
Раздалось непомерным божеством,
Но рёбра волн рубинами не множит,
Лишь по морю плывёт багряненым китом.
Вникая в солнце выверенный ход,
Плыву навстречу неизбежного знаменья,
Хочу закрыть на хилом мостике пролёт,
где все на нить от столкновенья.
Насквозь чернея призрачною рябью
Нисходят утонченно облака,
И не смотря, на суеверность бабью,
От солнца круг, на лбу!

Наверняка!

14.11.01г.

Позднее цветение

Октябрьского дождя
Распущенные вожжи
У красного коня
Под хмурю рогожей.

Развёрстана земля –
Нептунова забава
И серая в поля
Легла гусей отава.

В саду наперекор
Заученному кредо
Оранжевый декор
Белеет нежным бредом,

На яблоне цветы
Раскрылись не взирая
На осень, на тщеты
Стать яблоком для рая.

Зачем к губам прижму
Осенние к осенним?
Чту чудо, ворожбу,
Не бывшее весенним!
23.10.02г.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Мне умереть ради любви?
Легко и просто! Скорость звука!
А жить? Разлив Оки! Не затопи!
На дыбе дамба – то - то мука!
Свободы нет. Стократ не лги!
Без воли – за решеткой стулья!
В огне не бабочка - пари!
За веру в пламени – колдунья!
Замри! Уйми! И затвори!
Не сотвори себе кумира!
Горе снега – венец любви!
И у коня крыла в полмира!
2.02.03г.

Разговор.

ОН:

смотри как люстры золотистый свет
искрит рубинами на дне бокала!
и белизну пятнает розы срез
а ночь-полночь оконца заласкала...
Помады оттиск обагрил фарфор,
Руки твоей моя уж не прикасалась,
Я пил вино, изыскан натюрморт...
но от кого ты шторой укрывалась?

ОНА:

Как ворон ночь, и деспотичный месяц
Сияет праздно, молод и горбат,
И пальцы на стекле распяты – десять,
И звёздный стан – надломленный гранат.
О! Если бы не дым, не чуждый разговор,
Ушла бы в ночь, в гам листьев, на дорогу!
Ну, не желаю ногу на ногу, сгущая взор,
Вливать огонь и хмель, подобно грогу.

ОН:

На небе первый день отметила луна,

Тем ярче, чем чернее весь над нами,
Созвездье Девы заменило право Льва
И засверкало золотыми галунами.
И я, как Лев, готов сложить доспехи,
Когда бы ты в орбите тысяч дней
Смогла сквозь нестерпимые помехи
Мою любовь узнать и стать моей.

ОНА:

Я шип от розы загнала под ноготь,
И кровь на хлопке, точно на снегу.
Ты розу чалую заставил дрогнуть,
И я за ней в ответ... А если не смогу?
В орбите тысяч дней с тобою слиться,
Страдать и плакать лишь из-за тебя!
И сердцу ни за что в иное не влюбиться,
В орбите тысяч дней до смертного одра?

ОН:

А я на меньше ни за что не соглашусь.
Когда любовью зиму превращаю в лето!
А то, как столб воды выдавливает шлюз,
Так мысли о тебе стирают всё до бреда.
Давай уйдем вдвоём к звезде Кассиопии,
Туда, где «ЭМ» она связует посередине.
Где Мастер я, а незавидный тролль!
«Зажми край у платка, а то роняешь кровь!»

ОНА:

Глаза мне завяжи! Закрой мне уши!
А в нос по ватному тампону заложи!
Иначе и во сне меня оголоушит
Ручей, полынь, солома в стоге ржи.
Там есть скажи, дугою вниз мосток?
Или опавших листьев веер пышный?
У дома стёршийся от обуви порог?
Или черники сок во рту душистый?

ОН:

Там искрометные закаты без восхода
И солнце движется как будто под тобой,
Там звёздный дождь в любое время года,
И ветер пробирает радугой цветной.
Там только нет куста промокшей розы
И не погубит зной любовной коматозы.

Она:

Заманчиво... А всё ж не для меня.
В крови моей огонь, а слёзы – не вода.

Укус клеща. Больница. 7-8 июня 2005 года

« Друг мой, я очень и очень болен».
(С. Есенин)

Мой друг, и я сейчас больна
И костный остов очень ноет,
Нет. Не змея, клеща слюна
Мне угрожает паранойей.

Инфекция, ну словно моль,
И шерсть не съест, а пряжу портит.
Логична короеда роль:
И трон, и тополь в пыль молотит.

Грущу, кляня несчастный случай
Терплю уколы, боль лишь боль,
Но понапрасну не канючу,
Коли сильней клеща – любовь.

Флёр винограда в скудном месте,
Мне мужа выдал с головой,
Пудовой гроздью честь по чести
Он душу вывернул горой.

Вот ягода одна к одной,
Прижались плотно – плоть на ветке,
С ней привкус поцелуя с бородой,
Во рту разлился соком терпким.

Но косточка в зубах торчит,
Ох, языком достать не просто,
Раздавишь в порошок – горчит,
Оставишь целой – нёбу востро!

И прежде, чем задать вопрос
Плюю невольно – прямо в руку!
В руке надежды целый воз,
А отвергала, как доuku.

Давно лозой плоды растят,
Но в косточке от винограда,
Как в ящичке Пандоры, суть таят –
Надежду умирающего сада.

ЛАСТОЧКА в Друскининкае.

Ах, ласточка, душа моя!
Живя, волнуясь и творя,
Ты падая, с высоких ниш
Смиренно у земли паришь,
Или стремишься к небесам
На воле, радуясь, крылам,
Белея меткой на груди,
Крестишь воздушные пути!
Ах, ласточка, душа моя!

Не замечаешь ты огня,
Ни тучек почерней черники
Ни ветра, что ломает пики
На елях, гонит мошкару
Несёт стремительно грозу!
Ты, оттеснив весны печаль
Всё выше улетаешь вдаль.
Ах, ласточка, душа моя,
Не прячемся ни ты, ни я!
Пусть блещет молний ярый ток
Ещё вираж, ещё виток!
Луч крепкий как рогами лось
Дырявит тучи те насквозь.
А ты крест-накрест по лучу!
Я также за тобой хочу!
Ах, ласточка, душа моя!
Не покидай совсем меня!
К земле спешит лучей армада
То храброй птичке солнце радо!
Грозы исчез последний след,
И тьму прорезал дивный свет...
Что это? Ласточкин полёт?
Или бесстрашие моё?